

МИХАИЛ ДОРИН



СИРИЙСКИЙ

РУБЕЖ 8

Михаил Дорин

Сирийский рубеж 8

<https://litres.ru/74142339>

SelfPub; 2026

Аннотация

1984 год. Ближневосточный узел противоречий затягивается всё сильнее. Советскому Союзу невозможно остаться в стороне и позволить США развязать кровавую бойню в самой горячей точке мира.

Майор Александр Клюковкин в эпицентре битвы за небо Сирии.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	34
Глава 4	50
Глава 5	68
Глава 6	83
Глава 7	97
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Михаил Дорин

Сирийский рубеж 8

Глава 1

По позвоночнику пробежал лёгкий холод, но это был не страх. Это было то самое чувство, когда предельно ясно понимаешь — вот твоя цель, вот твоя задача. Ошибки быть не должно. Либо ты, либо они. А в голове промелькнула мысль: « — И почему вечно так мало времени?!».

Небо над Пальмирой окутывал чёрным дым. Впереди на небольшой площади города среди жилых домов, развернулся весьма опасный «зверь», которого я сейчас ненавидел сильнее всего — зенитно-ракетный комплекс «Квадрат».

Его ракеты, как клыки хищника, уже поднялись к небу. Ощущение, что прямо сейчас одна из них сорвётся и устремиться к цели. И уйти одному из бомбардировщиков уже не получится. А там и ещё один пуск.

В очередной раз счёт шёл на секунды.

— 110-й, отмена задания. Уходите. С земли работает «Квадрат», — информировал в эфир ПАНовец.

Но таким махинам, как Ту-22 не так-то и просто сманеврировать. У них ещё и высота большая. Как раз «хорошо» для пуска ракет.

— 17-й, к городу не подходи. Маневрируй у самой земли, — дал я команду Кневичу, который уже начал пристраиваться ко мне.

— По... Вправо, вправо! По тебе работают! — услышал я громкий голос ведомого в эфире.

Резко отвернул вправо, доверяя своему боевому товарищу. Силуэт на авиагоризонте начал заваливаться в сторону разворота, а сам Ми-28 практически лёг на бок. Где-то в районе хвостовой балки прозвучал глухой удар.

Вертолёт повело, но управление не потеряно.

В наушниках заработал сигнал опасной высоты. Ручку управления тяну на себя, чтобы уйти от столкновения с древней колонной.

— Тяни, командир! — тяжело говорит Кеша.

Рычаг шаг-газ вытягиваю вверх, чтобы дать мощности несущему винту. Верхняя часть колонны всё ближе, а вертолёт всё тяжелее. Нос задран, перед глазами голубое небо... Совсем немного до столкновения, но вертолёт успевает набрать высоту и перелететь препятствие.

Тащить за собой ведомого нельзя. Рядом с «Квадратом» однозначно плотная ПВО. Надо быстрее прицеливаться и пускать ракету.

— Саныч, быстрее. У нас секунды.

Ручку управления отклонил от себя, разгоняя вертолёт до скорости... да до какой получится!

Логичнее было бы ударить по 1С191 — самоходной уста-

новке разведки и наведения, входящей в комплекс «Квадрат». Но её не видно, а действовать надо.

В этот момент земля ожила вся разом.

— «Асошки», «асошки»! — продолжал подсказывать авианаводчик.

В это время и экипажи Ту-22 пытались уйти от удара, нервно переговариваясь в эфире.

— 117-й, уходим. Меня облучают с земли.

— Да меня тоже. В развороте уже. Тяжело идёт.

Кеша как мог, накладывал быстрее прицельную марку. В этот момент ещё одна очередь с земли.

— Вижу «Шилку». Атака! — прозвучал доклад Кневича.

Крупнокалиберные снаряды зенитной самоходной установки прошли вверх, словно рой ос, красно-оранжевыми щепочками режа дым. Пару секунд спустя её поглотил огромный огненный шар.

С нескольких десятков точек продолжали бить боевики по мне, забивая воздух огнём. Ещё одна очередь прошла перед кабиной, осколки хлестнули в броню, и машину качнуло к земле.

— Кеша, быстрее, — торопил я Петрова, выдерживая вертолёт на боевом курсе.

Сквозь гарь, слепящий свет сирийского солнца и застывшие по горизонту холмы я продолжал смотреть вперёд.

В данный момент попасть в комплекс было очень сложно. Боевики его скрыли весьма хорошо. Да ещё и среди жилых

домов. Тело чувствовало каждый оборот винта, а в висках ощущалось тяжёлое биение собственного сердца. Как будто весь мир сжался до кабины Ми-28. И перед глазами ничего, кроме индикатора лобового стекла.

— Кеша, наводись, — сказал я по внутренней связи.

Иннокентий продолжал передвигать прицельную марку по индикатору. Главное, чтобы нам хватило этих секунд до момента пуска ракеты. Время реакции у комплекса «Квадрат» чуть больше 20 секунд, и несколько из них уже прошли.

— Сейчас-сейчас. Ровно пилотируй, — приговаривал Кеша.

Но как тут удержать вертолёт ровно, когда весь шквал огня с земли обрушился на тебя.

— Маневрируй, 302-й! — произнёс в эфир авианаводчик, который перекрикивал посторонние шумы.

Я начал тянуть ручку, уходя вниз, но удерживая в обзоре пусковую установку. Пролетел вдоль линий стен первой линии домов.

Ощущение, будто горячий воздух бьёт в стекло. Над головой проносятся снаряды зенитки. Осколки взрывов с земли колотят по корпусу. И отдают вибрацией с каждым ударом.

— Бррр! — прозвучал чей-то голос в ушах.

Я увидел, как в районе пусковой установки блеснуло пламя. Вверх взмыла ракета ПЗРК и устремилась в нашу сторону, приближаясь справа.

То самое чувство, когда ты видишь, что смерть пошла на-

встречу с тобой и... тут же ушла в сторону. Будто ракета потеряла цель, уйдя вверх. В воздухе остался серый спутный след, который так и висел перед глазами.

— Быстрее-быстрее, — приговаривал я, ожидая пуск ракеты от Кеши.

— Рррр, — вновь услышал я рычание в эфир.

В это время прицельная марка уже почти совместилась с целью. Счётчик дальности добрался до значения в 3 километра. С каждым мгновением всё меньше времени остаётся до пуска ракет по нашим Ту-22.

— Байкал. Нас облучают! Сирена не снялась, — услышал я в наушниках чужой голос, в котором ощущались нотки волнения.

Прицел на индикаторе лобового стекла пляшет. Палец уже на гашетке ПУСК. Если Кеша не прицелится, придётся пускать ракету как получится. Наудачу.

— Кеша, время... — произнёс я.

В наушниках запищало, оповещая, что ракета готова к пуску по цели. Сигнал ПР на индикаторе лобового стекла так и продолжал гореть.

— Рррр, — продолжал кто-то рычать.

Впереди строение, которое перелетаем. В кабине уже чересчур жарко. Ручка управления будто бы прилипла к ладони, хоть и надеты перчатки. На скуле чувствую, как стекает противная капля пота, нервирующая каждую клетку организма.

И вновь новая встречная пулемётная очередь по воздуху. Трассеры идут прямо по носу, мимо кабины с визгом.

— Рррр! — вновь рычание, но я не могу разобрать, что это за слова.

И тут ракета с глухим звуком вырвалась из направляющей, отбросив сизый дым. Яркая вспышка впереди. «Атака» сделала пару витков, чтобы встать на курс, и устремилась к цели. Я замираю: на несколько секунд всё замедляется. Снизу летят десятки снарядов, а там, на земле пусковая установка «Квадрат». Вот-вот выпустит ракету по целям в воздухе.

Траектория ракеты уже ушла в город. На счётчике остались две секунды... одна.

Взрыв.

Через секунду «Квадрат» накрывает пламя. Машина противника ломается, загибается, как железная кукла.

Одна из ракет успевает подняться всего на несколько метров. Кажется, что опоздали. Как такое возможно?!

И тут она совсем немного уходит в сторону и врежется в один из каменистых холмов вокруг города.

— Есть, — выдыхаю я, но ещё не всё.

Огненный цветок вырастает посреди площади. Пыль и камни, куски металла рвутся в небо.

— Цель поражена. Поражена, — выдыхает авианаводчик, но для нас с Кешей ничего ещё не закончено.

Вновь очередь из крупнокалиберного пулемёта совсем рядом прошла с фюзеляжем. Ручку управления резко откля-

нил влево, уводя вертолёт в сторону. Тут же «вытягиваю» вертолёт на боевой разворот, проносясь над крышами домов.

С каждой из них нас атакуют. Фюзеляж ловит отдельные патроны и снаряды, но вертолёт всё терпит. Снизу всё ещё бьют десятки стволов. Пули цокают по броне.

Оранжевый столб огня в нескольких сотнях метрах возникает из ниоткуда. Вертолёт трясётся, слушаясь отклонения органов управления, а небо заполнили вспышки тепловых ловушек.

Вновь взрыв совсем рядом с вертолётom. Да такой силы, будто по фюзеляжу ударили молотом.

Сквозь дым вижу горящий остов «Квадрата». На его фоне чернеют развалины древней Пальмиры. Там, где веками стояли колонны, теперь клубится огонь и пепел. Большая часть архитектуры сохранена, но боевики ещё продолжают сопротивляться.

Бело-песчаный ансамбль колонн, арок и древних стен меркнет.

— Кеша, на связь.

Но в ответ тишина. Слышно какое-то мычание.

— Кеша, как принимаешь? — спросил я.

Начинаю понимать, что мне не отвечает Иннокентий.

— 302-й, передняя кабина разбита, — подсказал Кневич.

Я с трудом сглотнул ком, образовавшийся в горле. Я вновь и вновь пробовал вызвать Кешу, но в ответ очередное рычание.

— Кеша, не молчи, — громче произнёс я.

— Ррр... чу. Не... чу, — раздавалось в наушниках.

Возможно, у него ранение или что-то со средствами связи.

Главное, что живой. Но из боя следует выходить.

— Байкал, 302-му. У меня переднего похоже ранило, — доложил я авианаводчику.

— Понял вас. Отход с курсом 280. И свяжитесь через воздух с Тифором.

— Принял. Сейчас.

Другая пара ещё не вышла на связь. Время уже расчётное, чтобы мы взяли курс на Тифор, а смены всё равно нет.

Ситуации не самая приятная. И уходить надо, поскольку Кеша ранен, и своих бросать не хочется.

— 308-й, 308-й, 2-му на связь. 308-й, — запрашивал я ведущего пары Ми-24, которая должна нас сменить.

В ответ тишина. Зато более бодрые голоса теперь у группы бомбардировщиков.

— 110-й, уходим на обратный. Задание прекратили, — доложил их ведущий.

В эфире возникла пауза, пока я выравнивал вертолёт.

— Понял. Подскажу. 302-й, ответь 110-му.

— На приёме, 110-й.

— 308-й передал, что взлетели.

Это уже хорошо. Значит, подмога будет. Пока я отвернул вертолёт в направлении аэродрома, смог осмотреть поле боя.

Боевики откатились назад и сейчас никаких атак против

наших войск не предпринимали.

— Принял. Передайте на Тифор-старт, что 302-му к посадке нужна санитарка и пускай запросят вертолёт на перелёт в госпиталь.

— Понял, передам. И... спасибо за работу, — поблагодарил нас ведущий бомбардировщиков.

Не знаю, как он понял, что это мы уничтожили «Квадрат». Может кто подсказал. В эфире сейчас кого только нет.

— Мягкой посадки, — ответил я, отклоняя ручку от себя.

Пока командир «бомбёров» передавал информацию, мы с Кневичем уже развернулись в направлении базы. Скорость нужно увеличивать, чтобы как можно быстрее прибыть на аэродром.

— 302-й, Байкалу. Спасибо и удачи.

— Держитесь, мужики, — ответил я, продолжая разгонять вертолёт.

Кневич пристроился рядом и несколько секунд летел со мной параллельно.

— Блистер разбит, но он мне рукой машет, — сказал ведомый, уводя вертолёт в сторону.

— Понял. Не молчи, Кеша. Ты как там? Порычи хоть, — продолжал я держать в тонусе Петрова.

Если он может махать, значит ранения могут быть несерьёзные.

— А у... еня... rrrr, — прозвучал в эфире громкий рык Иннокентия, пытавшегося проговорить фразу.

Опять сплошное рычание и свист от него. Что по внутренней связи, что в эфире. Зато впереди уже видны очертания базы Эт-Тияс.

Пара Ми-24 прошла в нескольких километрах от нас, держа курс на древний город. Ощущение боя ещё не отпускало меня. Пока не увижу Кешу и не узнаю что с ним, не успокоюсь.

— Тифор-старт, 302-й, точку наблюдаю. Готов к посадке, — запросил я.

— Вас понял. 302-й, средства готовы, куда удобней сесть?

— Куда скажете. Только быстрее, — ответил я.

Разрешили нам сесть сразу на стоянку, где уже стоял УАЗ «таблетка» и два военных внедорожника.

На снижении пришло понимание, что Ми-28 еле держится. Вертолёт начало тянуть влево, а обороты правого двигателя скакали в обе стороны. Чувствуется повышенная вибрация. Да такая, что игрушка мышонок на панели вот-вот должна упасть.

Начинаю ещё больше гасить скорость, направляя машину на бетон базы Т-4. Двигатели воют, а пыль закручивается в огромный вихрь.

Вертолёт аккурратно коснулся бетонной поверхности. К передней кабине подбежали медики. С ними и Димон Батыров, который указывает медикам, как принять на носилки Петрова.

Я смотрел как вытаскивают Кешу. Батыров на ходу снял

с него шлем и автомат, а я пытался уловить его состояние. Внешне совсем ничего хорошего.

Всё лицо в крови. Тёмные потёки тянутся от висков к подбородку. На шее большой бордовый комок бинта из индивидуального перевязочного пакета. Щека разодрана осколком. Как и нос. Одежда на левом плече порвана, а ляжка «лифчика» пропиталась насквозь кровью.

Только двигатели выключились, как я открыл дверь и сорвал с себя шлем, бросив его и автомат стоявшему рядом технику.

Я догнал Батырова, который уже передал Кешу медикам. Медики подхватывают его под локти. У него самого глаза полузакрыты, взгляд мутный, дыхание рваное и сиплое. Видно, что ранение есть в шею.

— Жить будет. Ничего серьёзного, — сказал Димон.

— Да пока незаметно, — ответил я, смотря, как Иннокентия укладывают на носилки.

— Командир, я... нена... долго, — услышал я шёпот Кеша, которому не позволили подняться с носилок.

— Сколько нужно. Держись там, — ответил я, подошёл к Петрову и пожал руку.

Кеша в это время тянет другую руку вверх. Долго, медленно, будто через толщу воды, и поднимает большой палец.

Я подождал, пока Иннокентия увезут, и посмотрел вокруг. Со всех сторон всё шумит. Боевая работа не прекращается. Кто-то орёт про топливные следы на фюзеляже, а

кто-то уже тащит ракеты, чтобы подвесить на другие вертолёт.

— Ещё один Ми-28 вышел из строя, — кивнул Батыров в сторону вертолёта.

Я кивнул, смотря на повреждения Ми-28. Передний блистер разбит, а осколки разбросаны по всей кабине. На тех местах, где ещё недавно была прозрачная бронестеклянная капсула, теперь клочья стекла и кровавые разводы.

— А меня больше не это волнует, Сергеич. У нас лётчик ранен, двое техников в госпитале. А ещё мы до сих пор не знаем, каким арсеналом средств ПВО обладает противник. Или мы сейчас разведку боем проводили?

Батыров только пожал плечами и пошёл вслед за мной к вертолёту. Пока я смотрел на повреждения, он ходил рядом и смотрел на дырки от снарядов по всему фюзеляжу.

— Ты ведь знаешь, Саша, что здесь сложно определить где «наш сириец», а где не наш.

— Ну оттого, что я это знаю, легче не стало.

Димон недовольно фыркнул, выражая несогласие со мной. Хотя в чём я не прав, мне непонятно.

Пока техсостав начал латать Ми-28, я отправился на командный пункт. Кешу через час вертолётom отправили в госпиталь. Батыров сам сел в кресло командира и улетел в Дамаск.

Сирийцы знали, что Кеша, человек которого у себя принимал сам президент. Так что и отношение к нему будет со-

ответствующее.

Я же это время контролировал работу эскадрильи по целям в районе Пальмиры. В зале постоянно звучали какие-то новые задачи. Одна серьёзнее другой.

Один из сирийских генералов и вовсе предлагал ударить по городу бомбардировщиками. Мол, в Тадморе уже никого не осталось из тех, кто верен президенту. Естественно, эту мысль отмели моментально.

К вечеру уже всем стало понятно, что бои за древнюю Пальмиру постепенно сходят на нет. В это время генерал Махлуф, как командующий всей операцией, подозвал всех к карте и «обрисовал» ситуацию.

— Господствующие высоты заняты. Древняя Пальмира пока ещё не под полным контролем, но на финальном этапе. Завтра днём противник будет оттуда выбит. Нам нужно решать, что дальше. Предложения, господа и товарищи, — произнёс генерал.

Пока шла выработка предложений, я продолжал заниматься своей эскадрилей. Каждая пара лётчиков приходила и докладывала об обстановке.

— Мы уже атаковали в районе садов Пальмиры. Туда нас авианаводчик уже выводил. Вот здесь и здесь были пулемёты, а тут большой склад уничтожили. До сих пор детонирует, — объяснял один из ребят, показывая на замеченные огневые точки.

— Склад — это хорошо. А вот что там с расположением

войск в районе садов?

— Неизвестно. Что спецназ успел разведать, то мы и уничтожали. Аэродром Тадмор сейчас тоже весь в огне.

Я поблагодарил ребят за работу и отправил отдыхать на «высотку». Только мои лётчики вышли из зала, как на пороге появился настоящий «песочный человек». Это был один из сирийских солдат, смотревший куда-то в непонятном направлении.

На пол с него сыпался песок, а сам он выглядел уставшим. Внимание гостю уделили не сразу.

— Господа, мы в плен взяли Сардара Фадея, — ответил боец, которому уже дали стакан с водой.

Молодой парень с трудом стоял на ногах. К нему тут же подошёл генерал Махлуф и приобнял, не боясь запачкаться.

— Это хорошо. Руководитель боевиков захвачен. Нам повезло. Надо его допросить. Лично буду говорить с ним, — сказал командующий, обращаясь к руководителю разведки Али Дуба.

Но пришедший на командный пункт сириец ещё недоговорил.

— Сардар отказался говорить. И с вами, и с кем бы то ни было. Он сказал, что готов понести наказание за свои убеждения.

Руководитель боевиков ценный пленник. А в свете неясностей с ПВО и планами мятежников ценность возрастает.

— Да будет так. Отправьте его в тюрьму. Там точно заго-

ворит, — сказал Махлуф и отвернулся к столу.

— Есть предложение, господин генерал. Возможно, есть шанс что он будет говорить с кем-то другим, — предложил я.

Командующий поджал нижнюю губу и пристально посмотрел на меня.

— И с кем же?! Он не хочет говорить с генералом! — возмутился Махлуф.

— А что насчёт брата?

Глава 2

На командном пункте возникла пауза в обсуждении судьбы бывшего капитана Сардара Фадея. Мне показалось, что даже переговоры в динамиках прекратились.

Командующий Республиканской гвардии подошёл ко мне, сжимая губы до такой степени, что они побелели. Аднан Махлуф глубоко вздохнул и слегка задрал нос.

— Господин майор, я ценю ваше мнение. Да и что уж говорить, вашу мудрость и профессионализм. Однако этот человек сам должен просить о разговоре. Вернее умолять дать ему такую возможность.

Махлуф поправил форму расцветки лесной камуфляж и надел на голову свой красный берет. Похоже, что на сегодня рабочий день генерала окончен.

— Вы же понимаете, господин генерал, что он не станет просить или умолять, — ответил я.

— Значит сгинет в камере. Такова участь предателей, майор, — ответил Махлуф и вышел вместе с несколькими офицерами из зала управления.

Я переглянулся с Каргиным, который стоял со мной рядом. Заместитель командира корпуса был невозмутим, но и у него похоже были вопросы к столь поспешному решению сирийского генерала.

— Этот мятежный генерал Сардар много знает того, че-

го говорить не стоит. Не будут его допрашивать, а отправят в тюрьму. Дело закрыто. Сан Саныч, давай по завтрашнему дню разберёмся, — указал Виктор Викторович на карту с планом завтрашних действий в районе Пальмиры.

— Я бы не стал отказываться от возможности поговорить с капитаном Фаделем. Он нам может рассказать, что у них есть из вооружения.

Каргин задумался, а стоящий за ним Батыров решил высказаться.

— Саша, и на кой-нам это? Мы уже разбомбили всё и везде. Осталось только поддержать атаки сирийцев. Зачем время терять?

— Мы уже наткнулись на «Шилку», о которой сирийская разведка смолчала. Чуть было не потеряли бомбардировщики, поскольку про «Квадрат» нам соврали. А про ПЗРК, который есть почти у каждого мятежника, я и вовсе молчу.

— Ну не у каждого, — раздался за спиной спокойный и ироничный голос.

Я повернулся и увидел Виталия Казанова в песочной форме. Нос у него был заклеен пластырем, на подбородке было небольшое рассечение, которое уже обработали. Рука была перебинтована и висела на косынке для удобства.

— Виталий Иваныч, доброго вам вечера! — поздоровался с ним Батыров.

— Не настолько он хорош. Это я про вечер, — улыбнулся Казанов и, слегка прихрамывая, подошёл к нам.

Выглядел он уставшим, но старался держаться бодро. Не думал, что после такой мясорубки, которая была в Пальмире, увижу Виталия живым.

— Вы по поводу завтрашнего дня? Мы как раз готовимся обсуждать вылеты, — рассказал Каргин, придвигая карту Казанову.

— Я вам в этом вопросе верю. Мне бы у вас украсть на несколько часов Клюковкина. Ну там посидеть, пообщаться, былое вспомнить, — сказал Казанов.

— Я не против. Верно, Александр Александрович? — сказал Каргин.

— Как я могу быть против. Спасибо, что спросили, — тихо ответил я.

— Что говоришь, Саша? — переспросил Виктор Викторович, перекрикивая шум переговоров в динамиках.

— Не против, товарищ полковник, — погромче ответил я и зашагал за Казановым.

По коридорам мы шли молча. В едва освещённых артериях командного пункта раздавались только мои глухие шаги и аккуратный шаг Виталия.

— Как себя чувствуете? Я совершенно искренне спрашиваю, — поинтересовался я у Казанова.

— Более-менее. Главное, что я смогу после выздоровления поехать в отпуск. Не хотите порекомендовать мне какой-нибудь курорт? — посмеялся Виталий.

— Мне кажется, для вас лучший курорт — дом в лесу с

мягким диваном, холодильником еды с напитками и никакого телефона, — ответил я.

Казанов рассмеялся и закивал головой.

— Оригинально. Надо попробовать. Но давайте к делу. Вы сможете уговорить Асила Султана пойти с нами?

— Не обещаю, но постараюсь.

— Да. Это очень важно. И поверьте, у Сардара есть информация не только по наличию вооружения у мятежников. Сейчас рубеж проходит не только в Сирии. Кое-где ещё что-то назревает, — ответил Виталий.

Говорит Казанов всегда такими загадками, что я уже жалею об отсутствии интернета.

Асила я нашёл в домике одной из сирийских эскадрилий. Он лежал на втором ярусе кровати и читал интересную книжку. На русском языке и к тому же ещё и вслух.

— «Избранные пословицы и поговорки русского народа»? Решил подтянуть знания, Аси? — спросил я, увидев книгу в руках у сирийца.

— Познавательно, аль-каид. Хоть немного отвлекает.

— Пошли выйдем, — сказал я, и Аси медленно сполз с кровати.

Парень быстро оделся и накинул лёгкую куртку, выходя за мной на улицу. Конец декабря начинает уже себя показывать по полной программе. На улице не так уж и приятно находиться. К тому же небо затягивают облака и уже появилась дымка по горизонту. Для завтрашних вылетов не самые

хорошие условия.

— Я сразу к делу. Ты должен поговорить с Сардаром. Асил напрягся и замотал головой.

— Не нужно мне это. Я знаю, что его взяли. Он мне более не брат. Пускай горит...

Парень начал осыпать Сардара оскорблениями, но я прервал его.

— Пускай и горит, и сгорит, и что угодно. Но он много знает.

— Тогда пускай его пытаются.

— Ты ведь понимаешь, что так он точно не расколется. Да и вообще, никто не знает, что будет с твоим братом, когда его отвезут в тюрьму.

Асил задумался, но согласия не дал.

— Нет, аль-каид. Мой брат погиб в Пальмире. А другой брат сгинул ещё в Идлибе.

Упёртый попался сириец. Как его заинтересовать, пока не ясно. Он будто сам не понимает, что информация от Сардара может нам очень сильно помочь.

— Ладно. Ты ведь сам летал в этих местах. Видел, сколько ПЗРК и других средств ПВО. И Сардару точно известно и расположение войск, и какие есть средства ПВО. Уже погибло много твоих товарищей.

Асил задумался. Похоже, что он уже согласился со мной.

— Хорошо. Надеюсь он ещё помнит, что я его брат. Мы же с ним, как у вас говорят, «как с одной пальмы финики»?

Это ж надо так интерпретировать поговорку «одного поля ягоды».

— Ну, почти. Ты повнимательнее читай поговорки в следующий раз.

В подвале штаба базы стоял запах сырости и железа. Воздух казался плотнее, чем бетонные стены. Лампы трещали над головами.

Казанов остановился рядом с дверью в помещение, где предположительно и сидел Сардар. Он осмотрел меня и Асила, а затем переглянулся с сирийским коллегой из мухабарата.

— Ты с ним зайдёшь, Виталий? — спросил сирийский представитель спецслужб.

— Нет. Я лишь только буду его смущать. Зайдут они двое, — указал он на меня и Асила.

Новая вводная всегда некстати. Нужно ведь ещё знать, что запоминать в разговоре.

— Поставили перед фактом. Как и всегда в общем, — шепнул я, когда нам начали открывать дверь.

— Вы справитесь. Не первый раз на допросе, — похлопал Виталий меня по плечу.

— Да-да. Можно в следаки уже идти.

Нам открыли комнату, и я первым вошёл в неё.

Сардар сидел прикованный к столу, с побитым лицом и глазами, в которых горела упрямая злость. Он поднял на меня глаза, но ничего не сказал. Когда вошёл Асил в лёгкой

куртке, боевик напрягся сразу.

Дверь закрылась, и мы остались втроём. В комнате был только один стул. На нём и сидел Сардар. Начало разговора затягивалось.

— Что, не узнаёшь? Мухабарат меня настолько сильно избил? — начал говорить старший брат Асила на арабском.

— Удивляюсь, что ты ещё живой, — ответил ему Аси.

— Действительно. Ты всё ещё жив и я тоже. Я думал, вас двоих уже нет.

Асил подошёл к столу и остановился напротив — спина ровная, глаза усталые. Но в глубине этих глаз не было ненависти. Только боль.

— Не двоих. Одного. Джалил погиб в бою за Пальмиру, — тихо сказал он.

Сардар дёрнулся, как от ножа. Его дыхание сбилось. Теперь от бывшего офицера осталась только тень.

— Как это случилось?

— Я был там. Видел, как он был сбит. Это была минута, которую я никогда не забуду. Вертолёт вспыхнул от попадания и рухнул на одну из ваших колонн, — ответил Асил.

Его голос сорвался, но он держался, сохраняя ровное дыхание и внешнее спокойствие.

— Так это был Дисси?! Тот самый, из-за которого погибло столько моих братьев?! — возмутился Сардар и ударил кулаком по столу.

Сардар закрыл глаза на секунду. Лицо его дёрнулось, буд-

то он сдерживал крик.

— В доме моего отца ты меня и Джалила братьями называл. А потом в Эль-Кунейтре и его. Не слишком часто, братьев меняешь? — сказал Аси, пропуская вперёд меня, чтобы я продолжил разговор.

— Вы сделали выбор, — ответил Сардар, но в его голосе слышалась боль, а не уверенность.

Возникла небольшая пауза в разговоре. Выждав время, я решил не молчать. К тому же Сардар продолжил смотреть на меня, ожидая, что я ему скажу.

— Что молчишь, аль-каид?

— Смотрю на тебя и удивляюсь. В чём причина? — спросил я.

— Я давал клятву защищать мой народ. А по итогу воевал за диктатора. Чего хорошего мне сделал президент? В его окружении казнокрады и взяточники, которые отравляют мою страну. Мы победили в войне с сионистами, а потом начали заключать договоры с американцами. В итоге, сколько пропавших без вести солдат, так и остались гнить в пустыне и на Голанах? Никто не получил компенсаций. Никому не поставили памятник, а ведь парни отдали жизнь за свою страну.

Во все времена было и такое, о чём говорит Сардар. Но не идти же из-за этого против системы. Ещё и с автоматом в руках.

— Почему ты разрушаешь свой дом? — спросил я.

— Я его защищаю. И никогда я не был и не буду предателем. И не тебе меня учить как это делать аль-каид. Ты — офицер своей великой армии. Великий воин, а воюешь за идеалы продажной «клики».

Я выдержал паузу, а потом продолжил.

— Ну это как посмотреть, Сардар. Кадет Военной Академии в Хомсе. Далее был капитаном Республиканской гвардии. А теперь бригадный генерал Сирийской Национальной Армии. Ты принимал военную присягу. Давал клятву защищать страну от внешних и внутренних врагов. Я вместе с тобой проливал пот и кровь. А теперь против тебя воюют твои же братья.

Сардар промолчал и ничего не ответил. Он повернулся к Аси, но сказать ничего не смог.

— Я тоже многих потерял. И в Ливане, и над Пальмирой. Много с чем не согласен. Но никто мне не давал права на мятеж, — сказал Аси.

Эти слова ударили тяжелее цепей. Сардар посмотрел на брата и впервые отвёл взгляд.

— Замолчи... — прохрипел он. — Я не хочу это слышать.

— Ты обязан услышать. Потому что теперь у тебя есть шанс поступить не как фанатик, а как брат. Помогите мне. Ибо Джалил тогда погиб зря, если мы всё ещё будем убивать друг друга.

Сардар молчал долго. Он трясся мелкой дрожью, потом медленно поднял голову. В его глазах по-прежнему горел

огонь, но уже другой — не фанатичный, а человеческий.

В это время тишину кабинета нарушал только треск ламп.

— Если я скажу, это ничего не изменит.

— Изменит. В Пальмиру мир придёт быстрее.

Сардар сидел молча несколько минут, словно собираясь с силами. Потом поднял голову и глухо сказал:

— ПВО... вы всё ищите где оно. Так вот: две «Стрела-10» стоят к югу от садов Белкиса. Сокрыты в грузовики. У них ещё четыре расчёта с переносными «Иглами». Они прятались в развалинах на восточном въезде.

Я быстро отметил на карте. Асил стоял, и не отрываясь смотрел на двоюродного брата. Выждав несколько секунд он тоже приступил к записи.

Сардар глубоко вздохнул и продолжил.

— В Пальмире никто не сдастся. К тому же есть ещё несколько «Шилок» и много других ПЗРК.

Бывший капитан сирийской армии начал отвечать на наши вопросы. Я водил пальцем по карте, а Сардар показывал основные позиции при въезде в город. Места расположения зенитных установок я отмечал карандашом, чтобы потом довести до подчинённых. То же самое делал и Асил.

— Где штаб? — уточнил я.

Сардар криво усмехнулся — ухмылка скорее болезненная, чем насмешливая.

— Штаба уже нет. Его накрыли ваши «шмели». Но остатки пытаются собраться на восточной окраине. Во дворце

эмира... вы всё равно найдёте.

Асил наклонился вперёд. Голос его был твёрдым:

— Скажи правду, Сардар. Всю. Где склады с боеприпасами? Есть ли заложники?

На слове «заложники» Сардар закрыл глаза. Долго молчал. Казалось, он снова возвращается в упрямое молчание. Наконец, медленно произнёс:

— Заложники... да. Дана команда при отступлении прикрываться мирными гражданами. В катакомбах под театром держат госпиталь. Если вы ударите туда — будет много трупов.

Я и Асил переглянулись. Это было главным: театральные катакомбы часто упоминались, но прямого подтверждения ещё не было.

Сардар продолжал, будто каждое слово отрезал от себя ножом:

— Склад боеприпасов... под мечетью в квартале Арам. Старое подземелье. Там мины, ракеты, всё. Если попадёт снаряд, то разнесёт полквартала.

Он стиснул зубы, обмяк, словно силы его окончательно покинули.

Сардар посмотрел на своего брата и долго не отводил взгляд. В глазах мелькнула тень прежнего мальчишки из их общего дома.

Асил молчал. Его руки дрожали так, что он крепко сжал кулаки, чтобы не выдать себя.

— Спасибо, — только и выдохнул Аси.

Да, есть вероятность, что Сардар нас дезинформирует. Но в сирийской армии найдутся те, кто проверит всю информацию.

— Это всё. Вот весь план обороны, — объяснил Сардар.

Я кивнул и повернулся к Асилу. Думал, что он что-то скажет брату, но он промолчал.

— Спасибо. Это очень важная информация, — сказал я, поднимаясь с места.

Я и Аси уже стояли возле двери, как Сардар нас остановил.

— Есть ещё кое-что. Наши кураторы из зарубежа потребовали подготовить двести человек и переправить их в Северную Африку.

На этом моменте стоило бы задержаться. Какой-то интересный получается в Сирии лагерь подготовки, если аж на африканский север тащат наёмников.

— И для чего? — спросил я.

— Неизвестно.

Было странно, если бы Сардар знал.

Информация от пленного генерала мятежников была очень нужной. Командование смогло внести коррективы в план штурма города, чтобы быть ещё более уверенным в успехе.

В ночь перед боем командующий операцией генерал Махлуф проводил постановку задачи. В зале управления на ко-

мандном пункте сегодня гораздо больше людей, чем обычно. Сирийцы решили усилить группировку и довели численность до 5 000 человек.

— План следующий. Входить в город будем с четырёх направлений. У каждой колонны есть своя задача по занятию объектов. Приказываю все задачи завершить как можно быстрее. Уже 30 декабря на носу, как никак, — улыбнулся Махлуф.

Улыбка генерала была чересчур довольной, а командиры и вовсе выглядели расслабленно. Ощущение, что мы не город штурмом берём, а туалет на заднем дворе частного дома.

— Теперь по авиации. На северо-западной окраине необходимо высадить десантную группу. Прошу вас оказать содействие в прикрытии. С нашими Ми-24 у нас беда, — обратился Махлуф к заместителю командующего смешанным авиакорпусом.

— Да, принял. Организуем, — ответил Каргин и повернулся ко мне.

Я не торопился отвечать товарищу полковнику, поскольку слишком быстро развивалась постановка задачи. Как-то все легкомысленно относятся к обстановке.

— Господин генерал, нужно уточнить погоду на завтра. Сейчас погодные условия неустойчивые, — заметил я.

Махлуф вновь ухмыльнулся и продолжил ставить задачи. Но я намерен был дожидаться ответа.

— Я настаиваю на принятии во внимание погоды, —

громче сказал я.

— Клюковкин, отставить! — шикнул на меня Каргин.

— Вы меня перебиваете, майор. С погодой разберитесь сами... — начал говорить Махлуф, но я его перебил.

Ну такое стерпеть уже я не мог. Давно мне так не указывали.

— Я выполняю приказы своего командования, господин генерал. Мы либо обсуждаем авиационную поддержку как положено, либо ни один лётчик моей эскадрильи не поднимется в воздух.

И только после этого в зале воцарилась тишина. Кто-то даже отвлёкся от обсуждения будущих наград. Генерал Махлуф повернулся ко мне и подошёл ближе, нависая надо мной своей огромной фигурой.

— Клюковкин, отставить перечить. Вы что такое устроили?! — возмутился Каргин.

— Предварительный прогноз на завтра — видимость 1-2 километра, а нижний край облачности около 100 метров. Для работы авиации — это очень сложные условия.

— Майор Клюковкин прав. Это стоит обсудить, — сказал Махлуф, цокнув языком.

Когда совещание закончилось, я не стал задерживаться в зале управления. За мной пошёл и Дима Батыров.

— Саня, ну ты чего устроил?! — усмехнулся он, останавливая меня за плечо в коридоре перед выходом на поверхность.

— Сказал, как есть. С такой подготовкой они наломают дров. Убивать свой личный состав мне не улыбается совсем,

— ответил я.

Батыров задумался.

— Я тоже вижу, что план ненадёжный, но это их война.

Глава 3

Мы с Батыровым шли молча в направлении здания высотного снаряжения. Серая облачность уже скрыла и звёзды, и яркую луну, которая хоть немного, но освещала окрестности базы. Воздух постепенно стал наполняться запахом дождя, а ветер менял направление с завидным постоянством.

— Определился с кем полетишь? — спросил у меня Димон, шоркая обувью по бетонной дорожке.

— Нет ещё. У меня почти все слётаны.

— Ну, возьми самого подготовленного. Тебе же будет проще.

— Не-а. Так не делается. Экипажи все уже сработались. Разрывать их — значит показать ребятам, что я им не доверяю. А я им всецело доверяю.

Батыров остановился и притормозил меня за рукав.

— Саша, погода будет плохая. Сопротивление противника жесточайшее. А ты собираешься доверить выполнение задачи совсем ещё неопытным экипажам.

Я повернулся к Батырову и уловил его эмоции. В свете фонаря его лицо выглядело слегка испуганным. Я одёрнул руку Димона от рукава. Откидывать её не собирался, а только крепко пожал.

— Ты вспомни меня и себя. Какие нам с тобой задачи поручали в Афгане? Как и всем. Потому что нам доверяли. А

может, ты мне не веришь, дружище? — спросил я, прищурившись и улыбнувшись.

— Тебе я верю, как себе. Просто у меня уверенность не во всех есть. Вы же и меня будете прикрывать, если вдруг поднимут по тревоге.

Батыров завтра, 31 декабря, будет дежурить в экипаже ПСО, а с ним ещё и смешанная пара Ми-28 и Ми-24. Саму высадку будут выполнять сирийские вертолётёты. С их командирами мы уже всё обсудили в зале боевого управления на командном пункте. Теперь осталось поставить задачу моим лётчикам.

В жилой комнате все ждали нашего прихода и готовились выслушать порядок действий на завтра. Пока все собирались на традиционный вечерний «курултай», я ещё раз обвёл комнату взглядом.

Внутренне убранство «не фонтан», но и мы не на отдыхе. Вдоль стен плотно выставлены двухъярусные кровати, которые своим скрипом могут всю Сирийскую пустыню перебудить. На всех у нас два больших шкафа, куда поместились только съестные и питьевые запасы. Два ящика с личным оружием, которые почему-то постоянно открыты.

— Вы бы их хоть на ночь закрывали, — возмутился один из бортовых техников, когда один из лётчиков неаккуратно положил автомат и не защёлкнул замок.

— Да кому они нужны? И так сил нет на лишние телодвижения, — махнул рукой молодой парень.

— А так даже быстрее получать оружие выходит. Как пить дать, кто-нибудь да потерял бы ключи, — посмеялся другой старлей.

За окнами гудел ветер, от которого слегка дрожали стёкла. Мне же нужно было определить, кто со мной завтра полетит на задачу.

— Заварзин? — позвал я того самого лейтенанта, который не закрыл за собой ящик с оружием

— Я, товарищ командир, — отозвался он.

Я подозвал его к себе, поманив жестом.

Пока я раскладывал карту на столе в центре комнаты, все быстро поднимались с кроватей и садились вокруг.

Заварзин поправлял форму и не торопился подойти ко мне.

— Да иди уже сюда. Не на строевой же смотр я тебя зову, — поторопил я паренька.

— Так точно.

Заварзин подошёл ко мне, и я быстро окинул его оценивающим взглядом.

— Максим Павлович, верно лейтенант? — уточнил я имя и отчество Заварзина.

— Да, товарищ командир.

— Твой командир экипажа в госпитале? — спросил я.

— Да. Он уже две недели там. Что-то не так с... желудком.

В этот момент Рашид Ибрагимов с трудом сдержал смех. Мне было известно, что с пищеварением у командира вер-

толёта Заварзина всё хорошо. Там... с другим местом проблемы.

— Ну-ну, пускай будет с желудком. Приедет, я ему диету назначу, — ответил я и показал Заварзину подойти к карте.

— Хорошо. Завтра накрытие полетишь со мной.

Заварзин выпрямился и широко улыбнулся.

— Да... есть... согласен, товарищ командир, — заволновался Максим, но улыбаться продолжил.

— Так, Максут, успокоился. Ты чё такой весёлый?!

— Ну так с вами лечу. А это... ну мне рассказали, что с вами всегда интересно.

Я призадумался. Постоянные «жопные» ситуации, которые со мной и Кешей случались, теперь ещё и вызывают непомерный интерес у молодых лётчиков.

— Пускай так. Маршрут следующий, — показал я на карте нанесённые поворотные пункты.

Заварзин быстро «срисовал» маршрут и пошёл на своё место.

Когда все собрались, я ещё раз обвёл всех взглядом.

Никто не ёрзал, не кашлял. Все сидели в плотном полукольце — в руках наколенные планшеты, а перед каждым лежали тетради подготовки к полётам. Взгляд у ребят цепкий, сосредоточенный.

— Задача простая, как «дважды два». Шесть сирийских Ми-8 с десантными группами на борту должны произвести высадку на северо-западе Пальмиры. Наша работа — при-

крытие.

Я ткнул пальцем в карту, показывая расчётный маршрут и место высадки.

— Мы идём двумя парами. Первая — впереди и справа, держим линию и открываем глаза шире. Вторая пара — слева и позади. Работаем внимательно. Возможны засады, ПЗРК и «сварки». Любой блеск, дым, движение — доклад немедленно. А главное — внимание за погодой. Завтра будет совсем не солнечно.

Я провёл пальцем до точки высадки.

— В районе высадки усиливаем внимание. Ми-8 с десантом, для боевиков практически как выигрыш в Спортлото. Так что будут ждать. Подавляем всё, что шевелится. Но помните: главные в этом полёте не мы. Главные Ми-8. Наша задача, чтобы они смогли спокойно сесть и спокойно уйти. Работаем чётко, не геройствуем. Глаз не ронять, эфир не забивать. Помните: каждый Ми-8 — это люди внутри. Для них мы единственная броня. Все это понимают?

— Так точно! — ответ был в унисон, сухой и уверенный.

— Тогда переходим к деталям.

Дальше слово взял штурман эскадрильи и начал доводить все особенности на маршруте.

— Из-за сложного рельефа и погоды пройти напрямую сложно. Поэтому нам придётся выполнить проход вдоль горного хребта Джебелель-Эль-Абьяд вдоль северного склона, — объяснял штурман.

Все слушали внимательно, а лётчики-операторы делали себе пометки в наколенных планшетах.

— Здесь дорога, которая идёт рядом с небольшим водохранилищем Абар. За неё цепляемся и следуем вдоль неё. Господствующие высоты под нашим контролем, поэтому всё внимание на навигацию. Но головой крутим, — продолжал штурман, ведя пальцем по карте.

В течение двадцати минут разобрали ещё несколько особенностей.

Экипажем моего ведомого определили Бородина и Чёрного. Это были ничем не выделяющиеся ребята. Обыкновенные «рабочие войны», каких десятки и сотни в нашей армии.

— Слушать внимательно эфир и всё вокруг контролировать. Что не так, сразу доклад. И резко на маршруте старайтесь не пилотировать, поскольку внутри строя мы держим Ми-8, — нацелил я экипаж ведомого на завтрашнюю работу.

— Всё понятно, товарищ командир, — ответил Чёрный.

Уточняющих вопросов никто не задавал. Несколько раз ко мне подходил Максим Заварзин, уточнив несколько моментов по применению вооружения. Закончив с совещанием, все разом отправились спать.

Утром стоянка аэродрома спала в серой дымке. Тучи висели низко-низко и тянули вниз тугой материей весь горизонт, будто их можно было достать рукой. Воздух пах выхлопными газами, керосином и чем-то металлическим, влажным. Видимость километра четыре, не больше. Всё во-

круг растворялось в тяжёлой дымке.

Пока мы шли с Заварзиным к вертолёту, я чуть не оглох от постоянного жужжания у моего левого уха. И это было не какое-то насекомое.

— А вы музыку любите? Классику или современную? Мне недавно попался концерт группы «Кино». Вы не слушали её? — заваливал меня вопросами Максут.

— Да куда уж мне. Я больше Толкунову люблю, — ответил я.

Ставка была на то, что уж с творчеством великой советской певицы молодёжь 80-х слабо знакома. К сожалению, не прошла ставка.

— О! А я её несколько песен знаю наизусть. Вот послушайте: « — Я прилечу — ты мне скажи. Бурю пройду и пламень...».

Мда, поёт Максимка хорошо, но не в тему.

— Молодец, — похвалил я Заварзина.

От музыки Максим плавно перешёл к спорту. Затыкать ему рот я не стал. Может у парня из-за волнения такое многословие.

— «Спартак» навсегда в сердце. Народная команда! Правда, в хоккее я больше за «Крылья» переживаю...

И так до самого вертолёта. Мои ботинки скользили по тёмным лужицам, а взгляд снова и снова уходил в небо.

— А погода сегодня 31 декабря самая «лётная»: хоть глаз выколи. Я вот помню у меня дома...

Я улыбнулся. Такого разговорчивого ещё надо было мне постараться найти.

— Командир, при такой видимости я бы и на рыбалку не поехал, а мы вот летим. Зато на охоту... Вы бы куда пошли лучше?

Чуть было не сказал «подальше от сюда». Но кто ж за меня будет эту работу делать.

— Лучше на рыбалку, — ответил я.

— Вот и я люблю рыбалку! Помню мы с братом...

Пока Заварзин рассказывал, как он тащил брата десять километров с порезанной ногой, мы уже подошли к Ми-24. На фоне серого неба машина казалась большим зверем — распластанные лопасти, изломанный силуэт, грязные бока с тёмными потёками масла.

Заварзин остановился на секунду, всматриваясь в вертолёт.

— Сан Саныч..., а вы помните свой первый вылет в плохую погоду?

Я усмехнулся и начал вспоминать. Посмотрев в небо, сощурился, напрягая извилины. Ведь технически мой первый вылет в такую погоду ещё даже не состоялся.

— В такую? Первый был давно. Не особо помню тот день, а вот то что пропотел как в бане во время того вылета, помню.

Заварзин хохотнул коротко, неловко, но в смехе уже не было зажатого страха, а только уважение и внутренняя го-

товность.

Я занял место в кабине, поправив после посадки в кресло жилет и автомат. Быстро пристегнулся. Органы управления стояли нейтрально, но я не смог удержаться, чтобы не погладить ручку управления и рычаг шаг-газ.

— 302-й, группе доложить о готовности, — запросил я на канале управления.

Пока все экипажи выходили в эфир с докладом, в Ми-8 заканчивалась погрузка десантных групп. Сирийские бойцы тащили с собой АГСы, пулемёты и большой боекомплект. Было видно, что готовились к серьёзному сопротивлению.

— Доклады принял. Тифор-старт, я 302-й, утро доброе. Группе запуск.

Руководитель полётами дал разрешение, и тишина на аэродроме закончилась.

Дымка сразу дрогнула от вибрации. Следом один за другим вертолёты начали «раскручиваться». На бортах вспыхнули бортовые огни, и всё вокруг наполнилось гулом.

— 302-й, группа 201-го готова, — доложил мне о запуске ведущий десантной группы Ми-8.

— Понял. Выруливаем на полосу, — дал я команду.

На рулёмке начали выстраиваться вертолёты. Кому-то было удобно даже просто выполнить подлёт и занять место на полосе. Через несколько минут Ми-8 заняли центр строя на полосе. Их силуэты казались мне сейчас более массивными и чуть грузными.

— На месте. 323-й, готовы, — доложил ведущий моей ведомой пары, когда занял место на полосе.

Со стороны мы сейчас выглядели как стая, собравшаяся в охоту: ощетинившиеся «шмели» сопровождают суровых «пчёлков».

— Максут, готов? — запросил я по внутренней связи Заварзина.

Секундная пауза на то, чтобы мой оператор ответил.

— Готов.

Оттримировав вертолёт, я вышел в эфир.

— Внимание. Группе взлёт!

В ту же секунду я начал поднимать рычаг шаг-газ. Почувствовался знакомый толчок в животе. Тот самый момент, когда вертолёт начал отрываться от полосы. Вибрация пошла по креслу, и бетонка осталась внизу.

Одновременно все начали отрываться от полосы. Дымка, которая была по всему горизонту, казалось, сама отступила. Небольшие клочья утреннего тумана закрутились вихрями под лопастями.

Вся группа взмыла в небо. Ми-8 держались в середине строя, и их винты отбивали туман в молочные валы. Вторая пара Ми-24 держалась левее.

На несколько секунд мы зависли над серым аэродромом. Внизу крутились бешеные спирали луж и клочья проходящего тумана. Кажется, что воздух вибрировал.

— Внимание, паашли! — скомандовал я, отклоняя ручку

управления от себя.

Бетонная полоса начала «пробегать» вниз, словно сама неохотно отпускала нас. Скорость начала расти. Ми-8 встали между нами и держались близко друг к другу.

— Держим «прибор» 180. Курс 70°, высота 100, — подсказал мне Заварзин, и я повторил в эфир то же самое.

Мы рванули вперёд. Кабина Ми-24 дрожала, будто вся машина была одним сплошным мускулом. В висках отдавался звон и давило низкое серое небо. Пальмирская пустыня утонула в облаках, и вертолётное стекло превращало видимость в мучение — небо и земля слились в одну матовую массу.

— Прошли первый поворотный, три минуты до следующего, — произнёс по внутренней связи Максут.

— Принял, — ответил я и проинформировал остальных на канале управления.

Сирийские пейзажи возникали рваными пятнами. То обломки техники вдоль дороги, то воронки от разрывов. Всё слишком близко, слишком резко. Дымка то сжимала картинку, то отпускала.

— Второй ППМ. До следующего четыре минуты, — доложил Заварзин.

— Понял, — ответил я, замечая для себя, что придётся сейчас снижаться ниже.

Вся группа скользила над поверхностью, держась на расстоянии от склонов гор. Я левой рукой держал рычаг шаг-газ, добавляя мощности ровно настолько, чтобы не ухнуть в зем-

лю. Хвост всё время тянуло в сторону боковым ветром, и приходилось ловить машину, словно упряжного зверя.

Через расчётное время показалась тёмная полоска извилистой дороги. Тот самый ориентир, который нам нужен для выхода в район высадки.

— Пошли вправо. Держимся вдоль дороги, — произнёс я в эфир.

Горные склоны становились всё ближе. Совсем немного, и лететь такой большой группой будет небезопасно.

— Командир, слева! — резко сказал Заварзин.

Я подал ручку вперёд и вправо, одновременно поднимая шаг-газ. В дымке над одним из склонов вспыхнула яркая линия — короткая очередь, и тут же просвистела совсем рядом.

— 325-й, наблюдаю. Атака! — ответил мой ведомый Бородин.

Я вывел вертолёт на расчётный курс. В зеркале заметил, как позади произошёл взрыв на склоне. Жёлтое пламя прорезало плотную серую массу воздуха. Похоже, на позиции боевиков было много боекомплекта, который и сдетонировал.

Но передышки не дали.

— Пуск справа! Отстрел!

Белый след резанул нависшие над нами облака. Ракета шла прямо на летевший рядом Ми-8. Тело вздрогнуло, будто током ударило.

Я резко качнул ручку управления влево и отдал вперёд.

Вертолёт сразу начал просаживаться. Хвост начало заносить, но я успел выровнять вертолёт правой педалью, чтобы его не закрутило.

— Отстрел, отстрел! — продолжал голосить Максут по внутренней связи.

Ракета как появилась резко, так и ушла от нас в сторону.

Пока от вертолёта отделялась яркая завеса ложных целей, я поднял рычаг шаг-газ, чтобы добавить тягу. Надо маневрировать быстро и аккуратно, чтобы не влететь в облако.

— Ловушки! — кто-то громко крикнул в эфир.

И так продолжалось ещё несколько минут. Манёвр за манёвром, прикрывая Ми-8 от ударов с земли. Если успевали, то уничтожали все огневые точки на нашем пути.

Пот стекал по вискам. Тёплый и солёный, он даже попал мне на уголок рта. Привкус не самый приятный.

Сознание будто дробилось: одна часть управляет, вторая думает о погоде, третья о том, что где-то в штабе кто-то сейчас кофе пьёт, не ведая, что ты здесь идёшь по грани.

Наконец, внизу разошлась мгла, и проступил пустырь — точка высадки.

— Готовим площадку, — произнёс я и начал ускоряться.

Ми-8 начали выполнять виражи, а вторая пара Ми-24, заняв высоту чуть выше, прикрывала их.

— 302-й, я 323-й. Высота 200 метров. Полёт спокоен, земля просматривается, — доложил ведущий моей ведомой пары.

— Понял. Обрабатываем пока, — произнёс я.

Тут же из строения справа по нам открыли огонь. Я быстро дал ведомому команду отвернуть, а сами начали заходить на цель.

— Каменная арка. Оттуда работает, — подсказал Максим.

Резко развернул вертолёт в сторону арки. Оттуда как раз и проступали вспышки от выстрелов.

Навёл машину носом на цель. «Главный» включён, а пушка уже готова к использованию.

— Атака! — скомандовал я, дав очередь.

Вертолёт тряхнуло и слегка затормозило. Ручку управления удержал на боевом курсе. Очередь легла ровно в арку. Серое облако попыталось скрыть, что строение «схлопнулось» внутрь, разбрасывая пыль и огонь.

— Поддержите нас хотя бы десять минут! — прохрипел кто-то в эфир на арабском.

— Я 11-й. Скоро к вам подойдёт поддержка, — отвечал ему другой.

11-й — это был командир группы, которая заходила в город с юго-востока. Что происходило на других участках не было отчётливо видно. Весь город был в чёрных клубах дыма, а со всех сторон были видны яркие вспышки от взрывов.

— Я 15-й. Ну сколько можно?! Я потерял уже 10 человек. Нужна помощь, — надрывался кто-то из сирийцев.

Судя по голосу это тот, который просил и до этого о поддержке.

— 15-й, не истери! Помощь идёт, — отвечал им командир.

Пока я выполнил ещё один вираж, в эфире только и были слышны просьбы о помощи.

— Это не просто так разговор. Дайте подмогу. У меня вся техника сожжена. Отступить некуда. Я зажат здесь на окраине. Нам долго не продержаться...

В голосе слышалась безнадёга. Даже помехи не могли её заглушить. На фоне были слышны взрывы и выстрелы. Потом эфир обрезало рывком.

— Командир... там взвод сирийцев. Шесть километров отсюда на юго-восток. Их там просто давят.

В эфире снова прорезался порывистый вопль:

— ...если помощи не будет сейчас, всё — конец!

Ещё один вираж, и Ми-8 приступили к высадке. Первая «пчёлка» уже на посадочной прямой перед касанием. Винты поднимают вверх пыль и камни, а боковая дверь вертолётá уже открыта.

— Высадку произвёл. Взлетаю, — доложил первый вертолёт.

Следом уже заходили ещё двое. Бойцы сирийской армии с ходу устремились к развалинам на окраине города и быстро начали занимать позиции.

А эфир так и продолжал наполняться просьбами о помощи.

— Ну я же слышу вертолётý. Дайте им команду подойти.

Хоть просто пройти над нами... — обречённо продолжил запрашивать помощь сирийский командир.

— Я 11-й. Вертушкам запрещено туда подходить. В том районе большое скопление ПВО. Держитесь, к вам пойдёт подмога, — попытался успокоить окружённых командир.

Тут вновь по внутренней связи вышел Заварзин. Его голос дрогнул, не пряча сострадания:

— Сан Саныч, они не выдержат без нас.

Глава 4

Эфир раскалялся. Я чувствовал, как у меня начинают гореть уши от постоянных докладов. Абстрагироваться от бедственного положения группы на юго-восточной окраине города было невозможно. Радиообмен продолжал наполняться звуками шипения, громкими криками и командами. И каждая фраза, сказанная в эфире, становилась непере译имой смесью русского и арабского.

— Я сказал, нужна поддержка! — рвал связку сирийский голос, становившийся хриплым и сорванным.

В это время четвёртый борт Ми-8 заканчивал высадку. Однако, его товарищ начал слишком рано заходить на посадку. Я вывел вертолёт из разворота и увидел не самую приятную картину. Ощущение такое, что пятый заходящий сейчас сверху сядет на вертолёт, который ещё не высадил весь десант.

— 204-й, высадку произвёл. Взлетаю...

— Запретил, 204-й! На земле, — громко сказал я в эфир.

— Принял, — ответил сирийский лётчик с некоторым недоумением в голосе.

Я же продолжил «разруливать» ситуацию, при этом осматривая общую обстановку вокруг площадки.

— 205-й сместись-сместись. На голову четвёртому сядешь, — вышел я в эфир.

— Понял, вижу.

И пока всё проходило штатно и без нервов, на другом конце города продолжалась самая настоящая мясорубка. Доклады сыпались один за другим.

— Я 14-й, у меня БМП подбили последнюю. Выйти не могу...

— 14-й, продвигайся к 15-му и выходите в направлении высоты 939. В направлении высоты.

— Да куда я пойду! Меня с четырёх сторон окружили. Я голову не могу поднять, — продолжали докладывать сирийцы.

— 11-й, я 15-й. Пришлите к нам хоть кого-нибудь. Направьте авиацию. Дайте мне связаться с ними. Дайте их канал для связи. Мы их наведём.

— 15-й, успокойся. Некого мне тебе послать. Держись сколько можешь, а потом отходи. Нет у нас авиации для вас.

Заварзин расстроено выдохнул, нажав кнопку выхода на внутреннюю связь. Понятно, что парням надо помочь. Но у нас своя задача.

— Командир, что делаем? — спросил Максут, пока мы выполняли очередной вираж над площадкой.

К этому времени уже и пятый вертолёт выгрузил десант, готовясь выполнить взлёт.

— У нас есть приказ. Прикрываем высадку. Здесь тоже люди.

Ещё один манёвр, и я уловил движение вниз.

Сначала будто мираж: серый ящик на окраине города среди развалин. Но потом мозг дорисовал, что же там сокрыто. Настоящая зенитная установка.

Бронированный корпус, стволы смотрят в небо. Если она откроет огонь, то Ми-8 разорвёт на части.

Но и это не всё. В нескольких сотнях метрах появились трое с огромной трубой, забравшись на разломанную крышу.

— 325-й, влево уйди! — громко сказал я.

— У меня уже несколько убитых. Сколько можно ждать помощь?! — перебил моё сообщение доклад с земли.

И этого хватило, чтобы мой ведомый не расслышал предупреждение.

— Слева работают! — громко повторил я, разворачивая вертолёт.

— Вижу зенитку! Под аркой, ближе к складам! — сорвалось у экипажа Ми-8, который только что взлетел.

Очередь снарядов из зенитной установки ударила в направлении вертолёта Бородина и Чёрного. Как он успел сманеврировать, мне было не ясно.

— Ушёл-ушёл. Вижу троих на крыше. Атакую! — доложил ведомый.

Слова ведомого слились с громкими докладами сирийцев:

— ...меня выдавливают! Выдавливают...

— ...потерял ещё двоих!

Я резко развернул вертолёт в направлении зенитной установки. Правую педаль отклонил почти до упора, чтобы вый-

ти быстрее на боевой курс.

— Цель вижу, — доложил я, когда центральная точка на прицеле совместилась с зенитной установкой.

Палец уже откинул предохранительный колпак с кнопки РС. Цель была перед глазами.

— Атака!

Короткая очередь из пушки заставила вертолёт затрястись. Воздух рассекли снаряды, летевшие в направлении цели.

Несколько секунд, и очередь снарядов из пушки раскроила землю вокруг зенитки. Вокруг позиции всё начало взрываться и погрузилось в облако тёмного дыма.

— Ухожу влево, — доложил я, проносясь под нижним краем облачности.

— Принял, 302-й. Я вправо ушёл, — произнёс мой ведомый, который тоже отработал успешно.

— ...15-й, докладывай. 15-й, на связь 11-му...

Ни криков, ни взрывов. Только чёрная пустота в эфире.

Я развернул машину на второй заход.

ЗСУ уже не шевелилась, а её позиции уже не было видно.

В это время взлетал и последний Ми-8. Не торопясь и как-то уж слишком буднично. Ощущение такое, что экипаж даже не слышал, что происходит вокруг.

И вновь всё не так однозначно. Десант уже вступил в бой. Было заметно, как бойцы постепенно продвигаются среди развалин в направлении северного сектора города. Ми-8

только-только оторвался от земли и уже начал уходить на обратный маршрут.

Я чуть снизился, чтобы пристроится к нему справа и сопроводить дальше.

— 302-й, ещё установка. Ещё установка. Накрыть не можем. Не можем! — затараторил в эфир командир десанта.

— 206-й, влево ухожу, — произнёс я, но там как раз был мой ведомый.

Таким манёвром он сейчас его зацепит. Как будто не смотрит по сторонам совершенно.

— Я слева! Я слева! - громко произнёс и в эфир Бородин.

— 325-й, продолжай вираж. Не снижайся, — громко дал я команду ведомому, пока Ми-8 продолжал разворот.

Пушкой до зенитки не дотянуться, а на пуск управляемой ракеты нет времени. Я успел переключить тумблер в положение НРС, чтобы атаковать НАРаами.

— Цель по курсу, — доложил Заварзин.

Впереди начала работать ещё одна зенитка. Ми-8 не стал выравниваться и ушёл влево, но его сейчас достанут. А если не достанут, он может зацепить моего ведомого. Каждая вспышка внизу — как удар молотком в висок. Времени на решение нет совсем.

— Цель вижу. Пуск! — громко сказал я в эфир, нажимая кнопку РС.

Вертолёт чуть вздрогнул, и ракеты вышли из блоков, заполнив перед нами всё пространство сизым дымом. Вниз, к

выжженному пустырю, рванул плотный веер НАРов.

Огненные стрелы рассекли небо, и через секунду земля вспыхнула серыми фонтанами. Взрывы легли клином вокруг позиции установки.

ЗСУ дёрнулась, словно ошпаренный зверь. Вспыхнул ослепительный язык пламени. Башню вмиг разорвало изнутри, и стволы, ещё мгновение назад устремлённые к небу, покосились. Тёмный корпус рассыпался и рухнул, обдав окрестности чёрным дымом.

— Цель поражена, — выдохнул я, и в горле пересохло так, что слова прозвучали хрипом.

Снизу на фоне серого облачного свода уходил в набор шестой Ми-8. Ещё минуту назад он академично разворачивался над местом высадки. Теперь же, тяжёлым рывком поднялся в воздух будто усталый кит.

— 302-й, 201-му, высадку произвели. Ушли по обратному! — радостно доложил ведущий группы Ми-8.

— Принял, — ответил я коротко, не разделяя радость с сирийскими товарищами.

Через минуту опасная зона осталась позади. Группа Ми-8 наконец набрала высоту над дорогой, ведущей через горный хребет.

Задача была выполнена, но в эфире не умолкали.

Из эфира неслись уже просто сломанные фразы:

—15-й, ответь 11-му. 15-й, на связь.

— 11-й, ну сколько ещё ждать. Где подмога? Где техника?

— 15-й, колонна к вам вышла, но её заблокировали.

Внутри тела что-то сжалось: та точка, где обычная осторожность переходит в осознание необходимости отдельных действий.

Я всё ещё слышал чужие голоса, которые уже давно не умещались в голове.

Сирийцы, зажаты в городе. Где-то там, в клубах чёрного дыма, они всё ещё пытались держать оборону.

— ...мы зажаты! Я пятнадцатый, слышите?! У нас нет прикрытия! Они давят нас! Давят!

Эти голоса сливались с треском помех.

Я сжал зубы, глядя на горизонт. Пальцы сдвинулись на рукоятке, чтобы выйти в эфир.

В воздухе в это время висел ретранслятор, через который можно было выйти на связь с командным пунктом.

— 715-й, я 302-й. Задание выполнил, «пчёлы» уходят. Готов оказать поддержку пятнадцатому.

— Понял, 302-й, — ответили с борта ретранслятора.

И вновь пауза, нарушаемая отдельными докладами. Только треск эфира, только далекие чужие голоса. И сердцебиение в висках.

Потом прозвучал сухой голос экипажа ретранслятора.

— 302-й, запретили. Возвращайтесь на Тифор.

Я замер, будто в грудь ударили кулаком. Злость не пришла сразу. Сначала ощутил пустоту и небольшой холодок.

Ми-8 уже тянулись полосой к северо-западу. Я и ведомый

экипаж 325-го прикрывали слева и справа, держась чуть сзади. С каждой секундой доклады сирийцев уходили в рваные помехи, а потом и вовсе растворились.

И тогда тишина в эфире стала тяжелее самого боя.

— 302-й, 715-му. С Тифора запрашивают как вы приняли команду.

— Отчётливо команду принял, — процедил я сквозь зубы.

Я выровнял машину. Слева город дымил, словно огромный паровоз.

Серое небо давило, как бетонная крышка. Облака висели низко и свисали тяжелыми складками. Видимость не больше пяти километров, всё в серо-жёлтой дымке.

Доклады в эфире вновь начали резать слух.

— С четырёх сторон. С четырёх! — голос на арабском срывался в хрип.

— Командир, 15-й в районе садов Пальмиры. Мы сейчас в 10 километрах, — сказал по внутренней связи Заварзин.

— Я знаю. Что ещё скажешь?

— Эм... к работе готов, — ответил мне Максут.

— Не сомневался, — произнёс я, отклоняя ручку управления вправо и начиная выполнять разворот.

Сады находятся к востоку от Пальмиры. Там нет улиц, где можно спрятаться. Только низкие постройки ферм, пальмовые выжженные рощи и голая равнина. Если зажали с четырёх сторон — второго шанса не будет.

— 715-й, 302-му. Запросите повторное разрешение на отход в район садов Пальмиры. Готовы оказать поддержку.

— Передаю, 302-й.

Но ответ был прежний. Я в этом и не сомневался.

— 302-й, запретили работать.

Руки похолодели, хотя кабина была горячей от приборов.

В висках стучало.

И тут в наушниках отозвался голос позади:

— 325-й, готов к работе. — спокойно сказал мой ведомый

Бородин.

Ни капли сомнения, только твёрдость в словах.

И почти сразу прорезался голос 323-го. Это был ведущей второй пары, прикрывающей Ми-8.

— Мы тоже готовы.

Я глотнул воздух. Почувствовал, как решимость стала чем-то осязаемым, будто оружие в руке.

— Принял. 323-й, работайте дальше с группой. 325-й, разрешил пристроиться справа, — сказал я, и резко выровнял вертолёт в направлении Садов Пальмиры.

— 323-й, принял. Хорошей работы, — спокойно ответил ведущий второй пары.

— Спасибо.

Вертолёт тут же окатило мутным воздухом. Ведомый продолжал разворот и быстро пристроился справа от меня.

— Справа в строю, — доложил Бородин.

Серая пелена дымки рассеялась, и через пару минут пе-

редо мной развернулась равнина садов Пальмиры.

Блеклый жёлто-бурый песок, редкие бетонные коробки бывших ферм, кое-где пальмы-останки. Но главное — дым над низинами и вспышки выстрелов. Кроме лесного массива здесь были редкие угольно-чёрные строения, а на горизонте виднелись разрывы и подступающие отдельные машины и бронетехника.

— 15-й, ответь 302-му. 15-й, ответь 302-му, — продолжал я запрашивать окружённых.

Без связи с окружёнными атаковать рискованно. А если противник подошёл вплотную то и вдвойне. Разлёт НАРов не оставит шансов как боевикам, так и правительственным войскам.

— Вижу их. Цели слишком близко, — сказал мне Заварзин.

Я различил очаг боя. Небольшая сирийская группа, пленённая редкими деревьями и стеной полуразрушенного строения. С одной стороны по ним давил отряд пикапов и бронемашин, с другой — ещё больше людей, пехота с пулемётами и миномётами, закрывающая кольцо. Они были как два удава, смыкающиеся полукругом.

Сирийцы били из последних сил. Их трассеры мелькали рыжими искрами в серой дымке, но было видно — огонь слабый, отрывистый, патронов почти нет.

— 15-й, ответь 302-му. Идём к вам парой с севера. Дайте целеуказание, — вновь запросил я.

— 302-й, я 11-й. Вам же запретили работу?

Лучше всего в этот момент собирался ему ответить Максусут.

— Да мы не с тобой разговариваем, — озвучил он мысль по внутренней связи.

Если работать по площади рискованно, надо постараться технику вывести из строя. Только удостовериться, что это не свои.

— 11-й, я 302-й. Идём к 15-му. В его районе наша бронетехника есть?

— 302-й, я 11-й, к ним колонна ещё не прошла. Но нужно уточнить.

— Так уточните, пока мы тут её не сожгли, — чуть громче обычного сказал я. — 325-й, отворачиваем влево.

Нужно сделать вираж и подготовиться к пуску управляемых.

— 325-й, работаешь по моим разрывам. Интервал 10 секунд. На выходе отстрел «Асошек».

— Понял, 302-й, — выдохнул командир ведомого.

Пока выполняли разворот, я успел переключиться на управляемое вооружение. Максим к этому времени тоже должен был собраться. Дальность до целей не более 5-6 километров, так что вероятность поражения увеличивается.

— 302-й... 302-й, 15-му ответь. Мы вас видим. Работайте по броне. Как приняли? — услышал я воодушевлённый голос на арабском.

— Понял, 15-й. 325-й, выход на боевой 210°, — дал я команду Бородину.

Вертолёт аккуратно выровнял. Прицел у Максута включён и он приступил к наведению.

— До цели 6. Цель по курсу, — произнёс Заварзин.

— Понял, — ответил я, выводя вертолёт на боевой курс.

Перед глазами уже была видна перемещающаяся коробка БМП. В наушниках раздался сигнал готовности к пуску.

— Марка на цели, — доложил Максут.

— Пуск! — дал я команду.

Тут ракета вышла из направляющей и устремилась к цели. Один виток, второй, третий... и она встала на нужный курс, отбрасывая дымный след.

Я выполнил небольшой манёвр, чтобы хоть как-то уйти с линии поражения средствами ПВО.

— Держу-держу! Есть! — громко сказал Максут, наводя ракету на цель.

— Прямое, 302-й! Под башню, — поспешил доложить с земли командир сирийцев.

— Цель вижу. Работаю «гвоздями», — вышел в эфир ведомый Бородин, когда я начал отворот в сторону.

Я успел развернуться и увидеть залп НАРов. Ракеты точно попали в растянутую цепь пикапов. Один из снарядов угодил прямо в центр колонны. Две машины разлетелись в стороны, скрывшись в дыму и огне.

— Атака! — произнёс ведомый и добавил из пушки.

Снаряды ГШ-30 добили один из броневиков, и он завалился на бок и запылал, как факел.

С востока боевики открыли ответный огонь. Плотные очереди пронзили мутный воздух. Я развернул машину и ударил очередь вдоль их линии. Земля взметнулась в серо-бу-рый вихрь, несколько фигур попросту исчезли в пыли.

— Ниже прижимаемся. 325-й, смотри откуда по мне ра-ботаю, — сказал я в эфир.

Как и когда-то в Рош-Пинна и... в другом аэропорту, опять приходится работать приманкой.

— Атака справа! Отстрел! — скомандовал я, уводя вер-толёт в сторону.

— 2-й, цель вижу в захвате. Пуск! — доложил мне Боро-дин, следовавший за мной.

Отвернув в сторону, я видел как с земли поднимается се-рый спутный след. Сама ракета ушла выше и взорвалась в километре от земли.

— Строение слева. Рядом с двумя пулемётами.

— Понял. Атакуем, — развернул я вертолёт влево, сделав небольшое скольжение.

Очередь из пушки и позиция боевиков скрылась в облаке пыли.

— Уничтожили, — доложил Максут.

И вновь манёвр! У самой земли резко отвернул в сторону, уйдя от очереди ДШК. Под брюхом почувствовал, как что-то ударило.

— Справа от меня. Обозначаю «сварку», — произнёс я, отстрелив ложные тепловые цели над пулемётом.

— Наблюдаю. Пуск, — услышал я ведомого.

Выполняю боевой разворот, заходя на очередную цель.

Я быстро переключил выбор оружия на неуправляемые ракеты С-8.

— Цель вижу, — доложил я.

— Цель по курсу, дальность три, — подсказал Максут.

На западе большое скопление боевиков. Расстояние от «наших» сирийцев большое. Так что можно по ним ударить НАРами. Прицельная марка на цели.

— Пуск! Выход влево.

Реактивные снаряды ушли к цели, оставляя за собой дымный след. Несколько секунд и пару десятков человек накрыло пылевым облаком. Тут же произошли несколько взрывов и появился огонь.

— Пуск справа! — произнёс Максут, наблюдая как из лесопосадки устремились в нашу сторону ракета.

Небо моментально расчертил целый «фейерверк» ловушек.

— Работаем, — проговорил я, нажимая кнопку РС.

И точно по месту пуска прилетели несколько НАРов. От ракеты уйти сложно. Я попытался сманеврировать, но уйти не так уж и просто. В последний момент я потерял ракету из виду, и вертолёт трянуло от взрыва.

Но Ми-24 продолжал полёт.

— Борт порядок, — сказал я в эфир.

— Наблюдаю две машины. Атакую, — произнёс Бородин, продолжая работать по наступающим боевикам.

Надо было как можно быстрее отработать, иначе подразделение сирийцев будет сложно прикрыть.

Я резко заложил боевой разворот, выбирая очередную цель на местности. Отвернул вертолёт влево по направлению и сразу увидел два автомобиля прямо по курсу.

— Работаем, — произнёс я по внутренней связи.

Неуправляемые снаряды устремились к цели. Первая машина взорвалась, утонув в ярком огненном шаре. Вторая начала маневрировать, но уйти не вышло. Взрыв и машина вылетела в сторону, перевернувшись.

— Справа! Справа! Пуск! — буквально прокричал в эфир командир сирийцев.

Ещё одна ракета устремилась в сторону ведомого, но он успел отстрелить ловушки. Да и сама ракета как-то уж сразу «сдалась» и ушла вверх.

Спутный след от ракет ещё был виден в воздухе. Так что примерное местоположение расчёта можно было определить.

— Наблюдаю. Готов «гвоздями» отработать. — ответил ведомый.

— Работаю первым. Цель вижу. После работы выход влево, — ответил я.

Центральную точку на прицеле совместил с целью. Мак-

сут доложил, что цель по курсу.

— Пуск! Влево ушёл, — произнёс я, пустив две С-8.

— Наблюдаю взрыв. Большой! — сказал командир сирийцев в эфир.

В зеркале заднего вида я увидел взрыв на земле. Похоже, что попали в какой-то склад.

А между тем, топливо и боекомплект заканчивался.

Вновь зашли на цель и пустили очередь из пушки. Прошлись по скоплению боевиков, подошедших вплотную к окружённым бойцам. Мой ведомый отработал по ещё нескольким машинам. НАРы ушли в край группы, выбив облако земли и бронированных осколков.

Линия наступления окончательно распалась.

— 302-й, 715-му, с Тифора запрашивают ваш остаток.

— Расчётный, — ответил я.

Что-то мне подсказывает, что командование запрашивало меня не раз, и не два. Просто ретранслятор меня не отвлекал.

Но в тут же эфире раздалось другое. Приятно режущее сердце:

— Я «пятнадцатый»! Командир, спасибо! 302-й, 325-й, спасибо.

В завесе дыма я видел, как сирийцы поднялись и начали отходить.

— 325-й, уходим в облака. Занимаем 1000, — дал я команду.

Я вывел машину выше, прорезая облака. Дым остался по-

до мной, редкие пальмы тянулись тонкими крестами в мутное небо. Максут отозвался тихо, но так, что в голосе было слышно всё:

— Сан Саныч, на обратный?

— Подтвердил.

Заварзин ничего не ответил, а я продолжил набирать высоту, войдя в плотную пелену облаков.

— 302-й, парой занимаю 1000 и 1200.

— 302-й, над вами свободно, — передал мне добро на изменение высоты ретранслятор.

Рычаг шаг-газ поднял вверх, чтобы начать набирать высоту. Вариометр тут же показал скорость 5 метров в секунду и мы продолжили набор.

— Выходим за облака. Высота 700, — доложил Максут, когда мы постепенно набрали больше половины запрошенной высоты.

Серая пелена начала распадаться. Облачность оставалась позади и взору открылось голубое небо. Глаза зажмурились от яркого солнца, которое всё это время было на своём месте, но его лучи не пробивали плотную пелену облаков.

— Вот и солнышко, — сказал я, опуская светофильтр.

— 325-й, за облаками. Наблюдаю, справа пристроиться, — запросил Бородин.

— Разрешил, — ответил я.

Я вдохнул полной грудью. Возможно, командование не оставит без последствий нарушенный приказ.

Но ведь сегодня 31 декабря. Нельзя было оставить сирийцев в беде в такой день.

Глава 5

Полёт по обратному маршруту показался мне длиннее обычного. Не сразу нам удалось найти разрывы в облачности, чтобы снизиться ближе к земле. Да и на подходе к Тифору руководитель полётами то и дело запрашивал нас об обстановке.

— 302-й, борт порядок?

— Подтвердил, — ответил я, выполняя снижение по спирали в найденный нами разрыв в слое облаков.

— А у 325-го? — продолжил опрос руководитель.

— 325-й, борт норма, — ответил мой ведомый Бородин, следовавший позади меня и тоже снижающийся к земле.

На этих вопросах «викторина» не закончилась.

— 302-й, подскажите погоду в районе работы.

— 7-10 баллов, низ 100-150, местами 200, верх 650-700 метров. Обледенение отсутствует, — доложил я доразведку погоды в районе Пальмиры.

Вертолёт медленно продолжал снижаться. Вибрация дискомфорта не доставляла, но спиной я ощущал, что вертолёт трясёт. Несущий винт работал без нареканий, а вот разница в оборотах двигателей была чуть больше допустимых 2%.

— Вилка в оборотах 3%. А сейчас 4%. Теперь снова 3%, — комментировал я происходящее по внутренней связи.

— Что может быть? — задал вопрос Заварзин.

— Возможно неисправность в системе регулирования оборотов несущего винта. На земле разберёмся, — ответил я, выравнивая вертолёт в 150 метрах от земли.

— Может сядем здесь? Кто его знает, что с двигателями, — предложил Максим.

— Можно. А работать, кто будет? Нас пока отсюда заберут, новый год настанет. А он уже скоро, — ответил я, вспомнив о том, какое сегодня число.

Максут согласился, слегка посмеявшись по внутренней связи. Ситуация совершенно не требовала таких решительных действий, как вынужденная посадка вне аэродрома.

Несколько минут спустя мы подошли к полосе базы Тифор. Посадку нам определили на рулѐжную дорожку, чтобы не мешать очередной группе вылететь на задачу. Ещё одна пара Ми-24 в данную минуту вырулила на полосу и начала отрываться от бетонной поверхности.

— 328-й, 302-му, — запросил я ведущего пары.

— Ответил.

— Погоду слышали?

— Да. Учтѐм при... работе.

— Понял. До обратного, хорошей работы.

— Спасибо, 302-й.

Как по мне, то уже ощущается рутинная работа в Пальмире. Вся боевая деятельность эскадрильи теперь будет подчинена замыслу штурма города. Это уже видно и по быстрым передвижениям техников на стоянке.

— 302-й, посадка, — доложил я руководителю полётами, когда наш Ми-24 коснулся колёсами поверхности рулёжной дорожки.

— Вас понял. 302-й, вам срочно зайти на командный пункт, — довёл он до меня информацию.

— Понял.

В мыслях я уже морально был готов к тому, что сейчас мне там скажут. Мысли заместителя командира корпусом предсказать в точности трудно. Ничего хорошего не ожидаю, но и переживать не буду.

Совесь наша чиста, поскольку риск был оправдан.

Винты остановились. Я открыл дверь кабины, и тут же меня обдало прохладным воздухом, от которого слегка передёрнуло. Ещё и аромат на стоянке витал самый, что ни есть рабочий — керосин, выхлопные газы, смесь запахов от рабочих жидкостей и гарь, которую несло со стороны Пальмиры.

Я медленно отстегнулся, поправил жилет с запасными магазинами и начал вылезать из кабины. По пути захватил и талисман-игрушку, которую теперь постоянно таскаю с собой.

— Командир, как аппарат? — спросил у меня бортовой техник, протягивая журнал для росписи.

На Ми-24 в экипаже всё так же присутствует бортач, но на большинство вылетов его решено было не брать. Из соображений снижения потерь, в случае атаки по вертолёту.

Я убрал в карман игрушечного мышонка и взял протянутую мне шариковую ручку.

— Отлично. Вот только «вилка» вышла в оборотах перед посадкой. Посмотри, что там не так, — объяснил я, ставя «автограф» в журнале.

— Хорошо. Но тут не только двигатель смотреть нужно, — указал лейтенант на вертолёт.

Я оторвал взгляд от журнала и посмотрел, на что указывает бортовой техник. Дверь на вертолёте была сильно повреждена, на правой стороне несколько пробоин от крупнокалиберных пулемётов. Подняв голову вверх, я обнаружил, что и в пылезащитное устройство было несколько попаданий. Повреждение не существенное, но заметное.

— И в лопастях есть дырочки, — указал бортач.

— Издержки профессии. Через сколько борт будет в строю? — спросил я.

— Ну тут начать и закончить. Полтора-два часа, товарищ командир, — улыбнулся лейтенант.

— Тогда работайте. Да, и за матчасть спасибо. Не подвела, — пожал я руку бортовому технику.

— Она никогда не подводит.

Закончив разговор, я подошёл к передней кабине, где ещё сидел Заварзин. Он всё ещё сидел и не выходил из вертолёта.

— Чего сидишь, Максут? — спросил я.

— Да... это... уснул, короче, — ответил лейтенант и заспешил вылезти через открытый люк своей кабины.

Вижу, что в его движениях есть некая нервозность. То ли это от усталости, то ли от пережитого волнения во время по-

лёта.

— Ну и как поспал?

— Ну, не спал я. Отойти не могу от вылета. В бою вроде всё контролировал, видел, наблюдал, докладывал...

— Ты хвалишься что ли? — улыбнулся я, перебив Заварзина, который начал разгонять скорость выдачи слов.

— Никак нет. Фух! Напряжение от боя никак не проходит, — ответил мой оператор, опуская голову.

Мне показалось, что он стыдится того, что ему было страшно в полёте. Ведь была пара моментов, когда нам пришлось пройти «по краю» — не поймать ракету, критическое попадание снарядов из ДШК или зенитной установки.

— Это всё нормально. Ты думаешь у меня не потеет в самых нескромных местах, когда в нас летит ракета ПЗРК?

— Мне почему-то кажется, что нет, — посмеялся Заварзин.

— Страх — это нормально. Волнение и напряжение тоже весьма частые «спутники» в бою. Главное, чтобы они не мешали соображать и дело делать. Так что выдыхай, Максут, — похлопал я парнишку по плечу.

Заварзин кивнул и пошёл вслед за мной в сторону здания высотного снаряжения. Но по его лицу было видно, что он задал ещё не все вопросы.

— Командир, а почему вы меня Максутом называете?

— Не нравится? — уточнил я.

— Да, нет! Прозвище звучное. Интересно, почему именно

«Максут»?

Вот что ему ответить? Объективной причины нет, но прозвище прикольное.

— А почему бы и не «Максут»? — спросил я.

— Действительно. Максут, Максут... хорошо звучит, — обрадовался Заварзин.

Максим постепенно отошёл от напряжения, которое его захлестнуло во время полёта, и вновь вернулся в своё нормальное состояние.

— А про кино не хотите поговорить? Я много фильмов посмотрел. Хочу с Сирии видеомаягнитофон привезти. Потом и кассеты можно будет достать...

До самого здания высотного снаряжения Максут делился со мной предпочтениями в кинематографе.

На подходе к «высотке», мы встретили экипаж Бородина и Чёрного, с которым выполняли поставленную задачу. И приказ тоже нарушили вместе.

— Командир, дальнейшие планы? — спросил у меня командир вертолёта.

— Отдыхаем. Новых задач не... — начал отвечать я, но тут же остановился.

Из здания высотного снаряжения, надевая на ходу «лифчики» и шлемы, выбежали два экипажа. Судя по скорости передвижения, торопились они знатно.

— Сан Саныч, опять на прикрытие. Минут 40 назад прилетели, и вот опять, — развёл руками один из командиров

вертолёта.

— Что предлагаешь? Не лететь?

Ответ на мой вопрос был очевиден. Понятно, что это только начало дня, а уже начинают экипажи поднимать на повторные вылеты.

— Не лететь — слишком радикально. Просто решил вам пожаловаться. Разрешите идти на вылет? — улыбнулся парень.

— Давай. Хорошей работы, — махнул я ребятам.

После короткого разговора с остальными лётчиками я снял с себя снаряжение. Всё оставил в здании высотного снаряжения, и пошёл на командный пункт.

В зале боевого управления было напряжённо. Сирийцы толпились рядом с картой на большом столе и вслушивались в доклады, разносившиеся по залу из динамиков. Нервная атмосфера разбавлялась постоянными звонками на телефоны оперативного дежурного и его помощников.

Командующий операцией — генерал Махлуф, трубку из рук практически не выпускал. Он постоянно куда-то звонил и сообщал об изменении обстановки.

— Да. На востоке прошли вглубь города. По другим направлениям обстановка сложная. Так точно, — вытянулся генерал в струнку и повесил трубку.

В этот момент господин Аднан Махлуф увидел меня и приветливо кивнул.

— Это было благородно, майор, — подошёл ко мне сбоку

один из сирийских полковников и пожал руку.

— В нарушение приказа? Сильно, господин Клюковкин,
— поблагодарил меня ещё один офицер-сириец.

Через пять минут закончил объяснение задачи экипажам Ми-24 Каргин, который показывал моим лётчикам, куда они полетят сейчас.

— Профиль высот возьмёте у штурмана. В районе работы быть внимательнее и не геройствовать. Нанесли удар, и домой. Ясно? А вот и командир, — добавил Виктор Викторovich, когда экипаж молча закивал.

Каргин подозвал меня и пожал руку. По выражению лица заместителя командира смешанного авиационного корпуса не скажешь, что он хочет меня разорвать за нарушение приказа.

— Задача следующая. Отдельные отряды боевиков прорываются через кольцо окружения и пытаются уйти в пустыню. Вот здесь прорыв, который следует купировать. Так что паре Ми-24 предлагается поддержать сирийцев с воздуха. Будет что сказать? — указал Виктор Викторovich на те самые сады Пальмиры, где мы уже сегодня отработали.

Начало неплохое. Я быстро обрисовал ситуацию в районе работы. Указал точки, откуда по нам работали пулемёты и ПЗРК.

— Над городом без необходимости не летать. Мы ещё не знаем всех точек, откуда могут по нам работать, — объяснил я ребятам.

Информацию экипажи приняли и пошли на борт. Каргин смотрел вслед моим лётчикам, а потом резко повернулся ко мне.

— Отойдём, Сан Саныч, — сказал Виктор Викторович и показал мне на комнату, за своей спиной.

Похоже, разговор со мной Каргин оставил напоследок. Войдя в кабинет, заместитель командира корпуса попросил меня закрыть дверь.

— А теперь объясни мне, Саша, что это было над Пальмирой?! Ты совсем страх потерял?!

Каргин моментально покраснел и затряс передо мной указательным пальцем.

— Виктор Викторович, я сделал то, что должен был сделать в тот момент. Я ведь не нарушил общий замысел не совсем удачной операции сирийцев, верно?

Полковник иронично усмехнулся, покачав головой.

— Ты нарушил приказ. В боевой обстановке. Подставил под удар своих подчинённых. А если бы их сбили, кто бы отвечал? Я уже не знаю, что от тебя и ожидать, — продолжал возмущаться Каргин.

— Никто и никого не подставлял. Мои экипажи были готовы добровольно выполнить задачу по прикрытию. И мы это сделали. А вы не хотите ли задать вопрос главному сирийских ВВС, почему их экипажи даже не попытались помочь нам вытащить их соотечественников?

Тут Виктор Викторович вскипел окончательно. Он, слов-

но рыба, начал подбирать слова, жадно хватая воздух ртом.

— Ты... ты... ты даже не осознаёшь, что ты нарушил приказ. Как бы ни было сирийцам тяжело в этих чёртовых садах, ты должен выполнять приказы. Почему ты такой непредсказуемый, Саша?!

— То есть, их надо было там оставить и дать погибнуть?

— Если в этом был замысел, то да, — подошёл ко мне ближе Каргин.

— Потрясающе. И где же эти полководцы, что такие замыслы замышляют? В соседнем зале? Дайте я им выскажу, всё что о них думаю...

— Только попробуй, Клюковкин. Я тебя знаю. Ты уж точно выскажешь.

— Вот видите, насколько я предсказуемый.

Полковник выдохнул, поставил руки в бока и начал ходить по комнате. Видно, насколько сложно было Виктору Викторовичу избрать мне меру наказания.

— Значит, так. От полётов ты отстранён. Даже близко не подходи к вертолёту. Теперь ты направленец. Вечный направленец от нашего корпуса на командном пункте сирийской группировки.

— И кого мне куда направлять?

— Вот вертолёты и будешь направлять. Распределять экипажи по задачам и вообще вникать в суть управления подразделениями. И это приказ. Повторяю, приказ, — сделал Каргин акцент на крайнем слове.

— Есть, — выпрямился я.

На этом весь «нагоняй» от Каргина был закончен. Я вышел вслед за полковником из класса обратно в зал управления. Виктор Викторович показал мне, где моё рабочее место и телефоны, по которым будут звонить.

Как это ни странно, но находиться я теперь должен рядом с Каргиным. В роли его помощника.

— Принимаешь задачу. Передаёшь мне, а потом тут же звони в Хмеймим. Передавай им потребный наряд сил, средства поражения и так далее. Потом будешь принимать доклады — запуск, взлёт и посадку. Всё ясно? — объяснил мне Виктор Викторович совершенно простые истины.

Как по мне — Каргин просто взял и переложил часть своих функций на меня.

— Да. Можем работать, — ответил я и пошёл к сирийцам, стоявшим в дальнем углу.

Заместитель командира корпуса опять обалдел. Он думал, что я сейчас начну землю рыть во время дежурства на командном пункте. Но просто так нельзя начинать работу.

— Ты куда, Клюковкин? — удивился Каргин, поправляя воротник куртки комбинезона.

— Чай налью. Вы не хотите? — спросил я, но Виктор Викторович отказался.

Только я налил себе чай, как на командный пункт вбежал Батыров. Он был полностью экипирован и весьма запыхавшийся.

— Сан Саныч, хорошо что хоть ты свободен. Надо задачу получать, — отдышался Димон и подошёл ко мне.

— Да, конечно. Уже иду тебе выдать задачу.

Димон протёр глаза от неожиданности, как будто услышал от меня признание в каком-то преступлении.

— Ты издеваешься? Все улетели. На аэродроме только дежурная пара. Меня надо лететь прикрывать. Я за ранеными и погибшими на северную окраину города. Давай собирайся.

— Да я не могу. Сейчас тебе назначу два экипажа. Я теперь направленец. У меня приказ, — акцентировал я внимание на последнем слове.

Батыров почесал макушки и понял, в чём тут дело.

— Виктор Викторович, от сирийцев пришла задача, а точнее просьба. Надо раненных эвакуировать и погибших с северной окраины. А меня прикрывать некому.

— Сан Саныч отстранён от полётов. Сейчас он тебе найдёт свободные экипажи, — ответил ему Каргин и уставился в таблицу у себя на столе.

Я склонился над списком и обнаружил, что единственные командиры вертолётов Ми-24, оставшиеся на данную минуту — я и мой ведомый Бородин.

— Ну тут ситуация безвыходная, Виктор Викторович, — показал я список.

Каргин тихо выругался, проверяя список. Потом позвонил в Хмеймим, в Хаму, в северные части Сирии, чтобы там найти вертолёты. Но эти аэродромы слишком далеко.

— Понял вас. Печально, — произнёс Каргин и повесил телефонную трубку.

Виктор Викторович посмотрел на меня и Батырова. Было видно, как ему тяжело признать тот факт, что отстранение от полётов нужно будет отложить.

— Ты чай ещё не начал пить? — спросил у меня Каргин.

— Нет. Даже подуть не успел, — ответил я.

— Выполняйте задачу, — махнул рукой Каргин.

Я поставил перед ним кружку чая, из которой тонкой струйкой поднимался дым.

Выполнение задачи растянулось до самой поздней ночи. В перерывах между вылетами я только и успевал давать указания своим лётчикам, когда они готовились к очередному вылету. Количество всех вылетов приближалось к пятидесяти за сутки. То есть, на каждый Ми-24 и Ми-8 пришлось около пяти вылетов. И это ещё сутки не закончились. Пока только подошёл к концу световой день.

Очередной заход на посадку в группе с Батыровым мы выполняли уже в тёмное время. Солнце скрылось за горизонтом, хотя у нас все сутки была плохая погода. Солнечный свет мы увидели, только поднявшись над облаками.

— 115-й, пропускаю вас, — произнёс я в эфир, отходя в сторону и позволяя Ми-8 Димона первым произвести посадку на стоянку.

— Спасибо, друг, — ответил мне Батыров, который продолжил снижаться уже чуть быстрее.

Тяжелее доли, чем та, что выпала Димону, представить трудно. Надо было видеть, с каким трудом Батыров выходил каждый раз из кабины, когда привозил с поля боя раненых и убитых.

Вот и сейчас ничего не поменялось. Мы с ведомым приземлились недалеко от вертолётa Димона, и видели всё своими глазами. Даже в свете фонарей можно было разглядеть, как из грузовой кабины выносят тела погибших, завёрнутые в брезенты, простыни, ковры и вообще во что угодно. Одно неизменно — кровь также проступает сквозь подобные «мешки».

— Выключаемся, — сказал я Максуту по внутренней связи, начав выключение двигателей.

Когда я подошёл к вертолёту Батырова, на Димоне лица не было. Запах, который исходит из грузовой кабины сложно с чем-то перепутать. Это и сожжённая плоть, и пороховые газы, и просто трупный запах.

И в этот момент к вертолёту подъехала пожарная машина. Один из тех случаев, когда не по прямому своему назначению сейчас будет использована вода в резервуаре «пожарки».

— Отвык я от таких полётов, Саш, — тихо сказал Димон, подойдя ко мне, чтобы не мешать бортовому технику.

Взяв пожарный рукав, бортач аккуратно начинает смывать вязкую тёмную кровь, оставшуюся на полу грузовой кабины. Причём и не определишь сейчас, чья она — раненных

или погибших.

— Не всех забрали? — спросил я.

— Пока нет. Кто-то ещё в городе и их пока не вывезли,
— ответил Димон.

В этот момент я повернул голову и заметил бегущего ко мне Могилкина. Петруччо был мной оставлен на командном пункте в помощь Каргину. Не чай подавать, а именно в помощь.

— Товарищ командир, на КП вызывают. Срочно, — позвал он меня.

Я ускорился вслед за Могилкиным, но это не потребовалось. Каргин сам вышел «из подземелья» с картой и остановился под светом фонаря.

— Сан Саныч, задача срочная. Остаток топлива сколько на борту у тебя?

— 1000. Чуть больше чем на час.

— Взлетайте парой. Курс на нефтяное месторождение Аш-Шаир. Цель в воздухе подскажем. Быстрее только!

Глава 6

Ночной воздух в Сирии продувал куртку, заставляя поёжиться от холода.

Экипировку я снять ещё не успел, так что время готовности у меня было минимальное. Техники уже собирались заправлять вертолёт, но я успел их остановить и дал команду готовиться к запуску.

— Командир, а куда лететь надо? — торопился за мной Максут, надевая шлем.

— В направлении Аш-Шаир, — сказал я и подозвал к себе экипаж моего ведомого.

Бородин и Чёрный быстро подбежали к нам. Сразу объяснил парням куда мы сейчас летим и отправил их к себе на борт.

— Кто ж такие...задачи... ставит? — возмутился Заварзин, залезая в кабину.

— Командование. Быстрее лезь, — поторопил я оператора и сам заскочил на подножку.

Поиск цели ночью накладывает свои особенности. Я быстро уточнил, снаряжали ли блок НАР осветительными снарядами. Техники меня уверили, что к ночи зарядку они поменяли. Но нужно было кое в чём подстраховаться.

Покрутив головой, я обнаружил, что с одного из сирийских Ми-8 выходят представители бригады «Сил Тигра». И

у них есть то, что мне нужно.

— Садык, можно тебя, — окликнул я одного из сирийцев и направился к нему навстречу.

— Да, аль-каид. Что хотел? — на ломанном русском ответил он.

Объяснив ему, что мне необходимо, я тут же получил на руки нужный предмет. А нужен мне был прицел ночного видения AN/PVS, который был закреплён у него на винтовке.

— Верну, — пообещал я, пожал сирийцу руку и убежал к вертолёту.

— Удачи!

Двигатели быстро запустились. Я уже ждал, что нам передадут какие-нибудь данные о цели. Но в эфире по-прежнему тишина по нашему заданию. Отсутствие конкретной задачи волновало не только меня.

— Что нам необходимо сделать в районе Аш-Шаира? Если там нефтяной завод, то он может быть атакован какой-нибудь из групп боевиков? — рассуждал Максут, когда я вывернул коррекцию на рычаге шаг-газ.

— Узнаем.

Гул двигателей стал громче, обороты увеличились, так что мы уже были готовы к взлёту.

— 325-й, готов? — запросил я ведомого.

— Готов, - ответил Бородин.

— Тифор-старт, 302-й, паре взлёт с места.

Руководитель полётами моментально выдал разрешение,

и я начал отрывать вертолёт от бетонной поверхности. Мой ведомый тоже постепенно начал зависать.

— Внимание, паашли! — скомандовал я, отклоняя ручку управления от себя.

Через несколько секунд мы набрали расчётную высоту и развернулись на курс в сторону Аш-Шаир.

В столь лунную ночь хорошо видна гряда горных хребтов на севере от авиабазы. Они кажутся сплошной тёмной стеной, выделяясь на фоне земной поверхности.

Можно заметить, как над Пальмирой стоит зарево от взрывов, а в деревнях по курсу полёта видны редкие огоньки.

— 302-й, 003-му на связь, — услышал я голос Каргина в эфире.

Наверняка он сейчас находится либо на командном пункте, либо рядом с руководителем полётами.

— Ответил, 003-й.

— Уточняю задачу. Цель — колонна машин. Район поиска — Аш-Шаир. По нашим данным, они уходят на север к «соседям».

— Понял, — ответил я.

Найти в такой тьме колонну будет непросто. Но если уж нас подняли с неполным остатком на перехват этих машин, кто-то в этой «ленточке» очень плохой едет.

— Прибор 200, курс 360°, — подсказал мне Максут.

Ведомый продолжал держаться на увеличенном расстоянии от меня.

— 302-й, никого не наблюдаю, — доложил он, когда мы прошли очередной горный хребет.

— По курсу сопка, — сказал Заварзин.

— Вправо уходим, — спокойно произнёс я, отклоняя ручку управления.

Следом прошли ещё один изгиб, снизившись к дороге, которую было видно при свете луны.

— Никого, командир, — произнёс Максут, когда мы прошли очередной поворот дороги.

— Отворот влево, — дал я команду ведомому.

Дорога в этом месте повернула в сторону, уводя нас в пустыню Вади-аль-Фаедж. Если и есть где-то колонна, то двигаться они будут там, где меньше неровностей. Едут ведь без включения фар.

— Командир, остаток 800. Сколько будем работать в районе цели? — спросил по внутренней связи Максут.

- А сколько можем?

- Ещё минут 30 можем, - моментально ответил Заварзин.

— Значит, минут 30 будем однозначно, — ответил я.

Предполагаемый район местонахождения колонны уже остался в 15 километрах позади. Вертолёт ведомого по моей команде выполнил отворот в сторону, чтобы пройти на восток. Так охватим больший район.

— 302-й, прошли 15 километров. Цели не наблюдаем на связь, — доложил ведомый.

— Понял. 003-й, 302-му. Результата нет. Остаток 700, —

доложил я.

— Принял, 302-й. Надо найти. Цель важная. Задача от... «Песка» поступила, — ответил мне Каргин.

Позывной Игоря Геннадьевича я знал очень хорошо. Уж если от самого Сопина команда, то задача и правда серьёзная. Видимо, не какой-то караван с двумя пулемётами и деньгами перехватить надо.

Я отклонил ручку управления на себя, выполнив небольшую горку, чтобы осмотреть большую площадь. Тут же прильнул глазом к прицелу ночного видения.

Никаких признаков вокруг. Лунный свет прекрасно освещал сирийскую пустыню. А вдалеке было видно водную гладь большого водохранилища Эль-Асад.

— Может мы... спалились? — поинтересовался Максут.

— Местность здесь степная. Вертолёт можно услышать на большом расстоянии. Возможно, и затихарились где-то бандиты...

Я на мгновение прервался, чтобы присмотреться к странному движению. Похоже, мы что-то «нащупали».

Среди двух сопок в небольшой низине медленно двигались машины. Я начал снижаться, чтобы подлететь ближе.

— Вон они, — сказал я, отворачивая вертолёт в сторону.

Я выдержал пару секунд и вновь ручку управления отклонил от себя, поддерживая при этом высоту полёта рычагом шаг-газ. Скорость начала расти.

— На приборе 200. Заходим на горку? — спросил Максут.

— Точно так. Готовься считать.

— 302-й, 325му, стою в вираже до команды, — доложил Бородин.

— Подойдёшь, как «люстры» подвешу, — ответил я.

Скорость на приборе подошла к значению 250 км/ч. Достаточно, чтобы начать выполнять «горку» для нормального пуска осветительных С-8.

На пульте управления вооружением переключился на стрельбу только с левого борта. Перещёлкнул галетником тип вооружения на «НРС». Длина очереди выставлена.

— Внимание, манёвр! — произнёс Заварзин по внутренней связи.

Ручку управления отклонил на себя. Вертолёт резко пошёл в набор. Меня слегка вжало в кресло, но перегрузки не ощущалось. Угол установил 15° , чтобы качественно отработать осветительными снарядами.

Скорость вертолёта падала. В кресло продолжало вдавливать сильнее от такого манёвра.

— Пуск! — скомандовал я и нажал на кнопку РС.

Вверх ушло несколько реактивных снарядов. Восемь осветительных ракет должно хватить, чтобы в достаточной степени осветить местность.

— Пять! — начал отсчёт до времени раскрытия Максут.

Через 15-20 секунд должны реактивные снаряды работать.

— Ухожу... влево! — отвернул я вертолёт, чтобы уйти на

повторный заход.

Тут по нам начали отрабатывать с земли. Были видны вспышки от разрывов, «пунктиры» от крупнокалиберных пулемётов и трассирующих патронов. Из последних сил решились боевики отбиваться от нас.

— Наблюдаю цель. В районе хребта 12 километров к северу от Аш-Шаир, — доложил я, продолжая отворачивать на обратный курс.

— 302-й, готов к выходу на боевой, - доложил Бородин.

— 325-й, готовься атаковать после меня, — сообщил я ведомому.

Ручку управления отклонил вправо. Крен на авиагоризонте подошёл к значению 45° , а правая педаль практически встала на упор.

— 15, — отсчитал Максут.

И тут всё вокруг начало вспыхивать. Загорелись факелы от осветительных снарядов. Тёмная степь в момент была освещена, а внизу отчётливо было видно колонну из нескольких машин.

Но времени у нас не очень много.

— 325-й, сразу за мной работай. Интервал 5 секунд.

— Понял, 302-й. Разворот на боевой. Работа «гвоздями».

— Пикируем, — сказал я по внутренней связи, продолжая выходить на боевой курс.

Место боя прекрасно освещалось, так что мы сможем выполнить пуск уже боевых С-8.

— Вижу цель! Переключаюсь...

Вытягиваю ручку управления на себя, выводя вертолёт из пикирования. Ми-24 начинает увеличивать угол, несясь к земле. В свете «факелов» от С-8 можно разглядеть, что земная поверхность уже достаточно близко.

Чуть меньше давлю на правую педаль, и вертолёт уже не стремится «клюнуть носом».

— Семь машин. Цель по курсу, — доложил Максут.

Я выдержал время и нажал на кнопку РС.

— Пуск! Ухожу влево! — ответил я, выпустив большую очередь ракет.

Тут же на земле начались взрывы, а в вверх поднялись столбы пламени. Две машины загорелись сразу, ещё одна перевернулась набок.

И тут же в нашем направлении полетели трассеры. Яркие пунктиры от пулемётов начали расчерчивать ночное небо. Снаряды били слишком близко.

— Рядом бьют, — подсказывал Заварзин, пока я выполнял резкий отворот.

В развороте показалось, что фюзеляж заскрипел. Кажется, что вертолёт рычит и сопротивляется манёвру, но поддаётся.

— Цель вижу. Пуск! — доложил ведомый и тоже атаковал колонну.

Прошло несколько секунд, и погасли факелы от С-8. Но взорванные автомобили теперь хорошо видны.

Я резко выполнил разворот и переключился на пушку. Быстро прицелился, дальность до цели расчётная.

— Атака! — нажал я на кнопку РС.

Гул и короткие удары последовали с правой стороны. Снаряды устремились к цели, и через несколько секунд внизу снова всплески огня.

А в эфире появился знакомый голос.

— 302-й, 003-му! Цель поражена? — спросил Виктор Викторович.

Ведомый повторил заход и тоже отработал по колонне. Более никакого движения не наблюдалось.

— Цель уничтожена, — доложил я.

— 302-й, вас понял. Вам задание закончить. Отворот на обратный.

— Принял.

Я выровнял вертолёт и направил его в район тени холмов. В зеркале заднего вида далеко позади ещё полыхали горящие машины.

После посадки накатила волна усталости. Мне даже показалось, что вертолёт сам выключался гораздо дольше обычного. Открыв дверь кабины и впусив холодный воздух, я старался уловить еле слышимое потрескивание вертолёта после выключения двигателей.

— Успешно? — подошёл ко мне бортовой техник.

— Цель поражена. Задача выполнена. А наша с тобой работа по-прежнему лучшая в мире, — улыбнулся я и медлен-

но начал выбираться из кабины.

Максут сейчас вылез гораздо быстрее и подошёл ко мне.

— Командир, а это мы задачу разведки выполняли? Кого-то секретного уничтожили?

— Да. Настолько секретного, что сами не знаем, кого уничтожили, — ответил я, пожав руку Заварзину. — Иди отдыхай. Сегодня у тебя был трудный день.

Максут кивнул и забрал у меня снаряжение, чтобы отнести в комнату. Мне же предстояло пойти в зал управления, чтобы доложить Каргину о выполненной работе. Да и задачи направленца с меня не снимали.

— Спасибо, командир. И... с наступающим Новым годом!

Я взглянул на часы и обнаружил, что остался всего час до курантов. Заварзин ушёл, а техники так и остались работать на стоянке. Основная масса вертолётов уже подготовлена, но работы ещё много.

— Сан Саныч, задание выполнили. Разрешите получить замечания? — подошёл ко мне экипаж ведомого.

В тусклом свете видно, что лица у Бородина и Чёрного уставшие. Пятый вылет за сегодня, так что это нормально, когда «результат» отражается на лице.

— Всё хорошо. Отдыхайте, — отправил я парней в здание высотного снаряжения.

В это время среди вертолётов ходил и Батыров. Шевретовая куртка на нём расстёгнута, а на голове красовалась... фуражка.

Что Димон высматривал, заглядывая в лючок в районе хвостового редуктора, трудно сказать.

— Дмитрий Сергеевич, в столь поздний час и на стоянке, — громко сказал я.

Батыров повернулся ко мне и подошёл ближе.

— Думал, что пока тебя нет, прослежу за вашим техсоставом, чтобы никуда не влезли, — улыбнулся Димон.

— Техсостав наш. Мы тут все одно целое. А своим ребятам я доверяю. Можешь их не контролировать, — ответил я и подозвал одного из инженеров.

После короткого разговора я отправил всех техников отдохнуть пару часов. Дежурная пара была подготовлена. Ми-8 для экипажа ПСО стоял в готовности, так что ребятам можно встретить Новый год за столом.

Спустившись с Батыровым на командный пункт, я вновь попал в рабочую атмосферу операции. Теперь правда двое сирийцев тихо дремали в креслах, а генерал Махлуф молча ходил вдоль карты и раздумывал над чем-то.

Виктор Викторович сидел за своим столом и отвечал кому-то по телефону.

— Да. Пара Клюковкина на земле. Так точно, он был крайний. Уничтожили. Смежники? — задался вопросом Каргин и посмотрел на Сопина.

Игорь Геннадьевич показал поднятый вверх большой палец, подтверждая наш успешный удар по колонне.

— Да. Спасибо, товарищ командующий. Обязательно пе-

редам.

При этих словах Каргин трубку повесил и переключился на меня с Батыровым.

— Генерал Чагаев всех поздравил. Прослушал информацию и сам для себя он сделал выводы, — добавил к вышесказанному Виктор Викторович.

Он встал со своего места и подал руку Батырову, а потом и мне.

— Сан Саныч, я желаю от себя лично тебе и твоим парням вернуться поскорее домой. В нашей общей победе никто не сомневается.

— Спасибо, товарищ полковник. А вам крепкого здоровья, — ответил я.

— Благодарю. По поводу тебя лично. Будем считать, что ты понял ценность приказа. Сегодня ночью отдыхай. А утром подменишь Дмитрия Сергеевича.

Я молча кивнул и посмотрел на Сопина. Он показал мне отойти с ним на перекур. Уже на выходе из командного пункта, Игорь Геннадьевич вновь рассказывал, какие мы крутые.

— Утром на рассвете полетим на осмотр места. Но по данным Казанова, уничтожили большое число наёмников. Они хотели уйти через границу с Турцией, судя по всему.

Ну вот! Снова будет возмущаться Каргин, что я не на рабочем месте на командном пункте.

— Захватить было сложно? — спросил я, заходя в беседку.

— Нереально. Они бы бились насмерть. Ты ведь представляешь, какой бы можно было скандал развернуть. Американцы и другие подданные западных стран участвуют в Гражданской войне в Сирии. Ещё и на стороне мятежников. Бомба! — сказал Сопин, доставая белую пачку с изображением советского пассажирского самолёта.

После этих слов я посмотрел на часы. Стрелкам оставалось несколько секунд до заветной полуночи.

— Ура! С Новым Годом! — услышал я громкий крик из здания высотного снаряжения.

Кажется, наступил новый 1985 год. Мы поздравили друг друга с Сопиным и ещё с минуту смотрели в сторону Пальмиры. Там сейчас Новый год для кого-то уже не наступит никогда.

— Знаешь, Сань, я вот чувствую, что всё изменится в этом году.

Мда, как же сейчас Игорь Геннадьевич прав. Всё сильно изменится в этом году с появлением одного человека на самом высоком посту в стране.

Утром вылеты продолжились с меньшей интенсивностью. Больше работала артиллерия, да и сами войска уже не гнали сломя голову по улицам Пальмиры. Зато мне в очередной раз не удалось побывать в роли направленца.

— Игорь Геннадьевич, ты больше никого из лётчиков не знаешь? — услышал я ворчание Каргина, когда вошёл на командный пункт для замены Батырова.

В зале управления было всё более-менее спокойно. Сирійцы продолжали мониторить обстановку, а Каргин её нагнетать.

— Виктор Викторович, эту задачу я могу доверить только лучшим. А у вас этих лучших зовут Батыров и Клюковкин. В каком порядке вам лучше знать, — отвечал Сопин.

— Замечательно. А вот и лучший! — увидел меня Каргин.

— Ну, не стоит так уж явно показывать мои сильные стороны, товарищ полковник, — ответил я.

— Ха-ха! В общем, к вертолёту, Сан Саныч. Подкинешь Игоря Геннадьевича и досмотровую группу на место уничтожения колонны. И сразу назад после осмотра, — предупредил Каргин.

Глава 7

К вертолёту мы вышли через несколько минут. По стоянке уже перемещались машины и личный состав.

— Здравия желаю! С наступившим! — поздоровался с нами один из инженеров, мимо которого я и Батыров проходили в направлении Ми-8.

Парень в это время ожидал машину АПА рядом с Ми-24.

— Спасибо! Взаимно! Отдохнули хоть немного? — спросил я у подчинённого, пожимая руку.

— Пару часов покемарили. Вы как, товарищ командир?

— Не лучше всех, но лучше некоторых. Ну, успехов, мужики, — оставил я инженера и ушёл следом за Батыровым.

Димон далеко не успел отойти, а остановился в паре десятков метров. За это время мимо него проехали на велосипедах двое техников. Увидев меня, они моментально «спешились», и вытянулись в струнку.

— Товарищ командир, с Новым годом! — поздравил меня один из них.

Возраст у этого техника был уже в районе 50. Ему не так уж и просто было перемещаться по всему аэродрому, вот и использовались велосипеды.

— Спасибо, Валерьевич! Как здоровье?

— Нормально. Нам бы... это... ещё бы где-нибудь АПА достать. У нас одна постоянно рядом с дежурной парой и

экипажем ПСО стоит. Сирийцы неохотно дают, - сказал техник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.